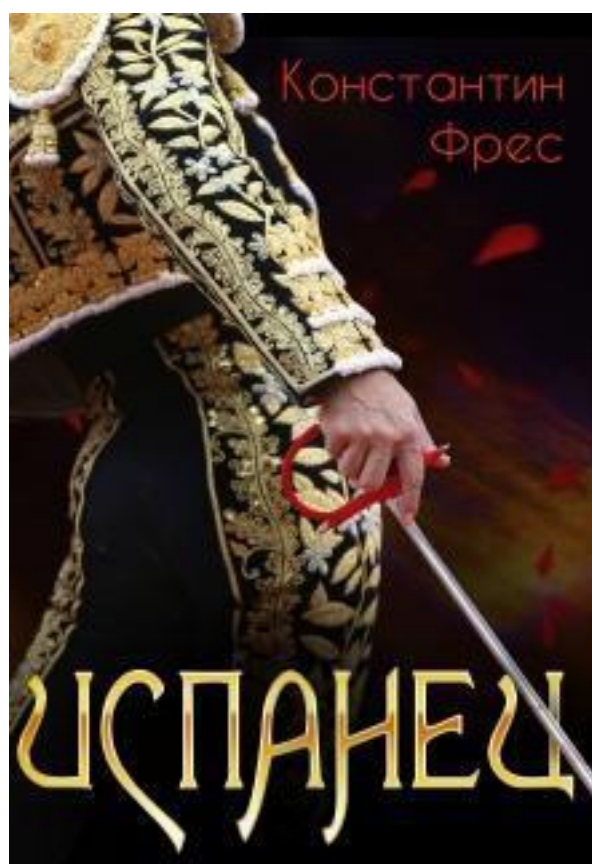

Константин Фрес

Испанец

«Литнет»

2019

Фрес К.

Испанец / К. Фрес — «Литнет», 2019

В ее жизни все не так. Самые дорогие ей люди причиняют ей только боль. Предательство, эгоизм и ложь - вот все, что она видела от тех, кто говорил ей о любви. Что делать? Поддаться отчаянию или попытаться изменить свою жизнь? Отважиться улететь из промозглого марта в солнечную теплую Испанию, чтобы стать профессионалом своего дела, высококлассным переводчиком? И, разумеется, никаких больше романов! Никаких ухажеров, никакого доверия и любви! Нет, она сказала! Нет! Но разве можно сказать «нет», когда испанец говорит «sí, mi amor»? Он - сын испанского гранда, красавчик Эдуардо де Авалос, своенравный, с жутко упрямым характером. И он - тореро. ТЕПЕРЬ ЕСТЬ БУМАЖНАЯ ВЕРСИЯ НА ОЗОНЕ И ВАЙЛБЕРРИЗЕ!

© Фрес К., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Глава 1. Марина	5
Глава 2. Игорь	10
Глава 3. Куда делся Игорь?	16
Глава 4. Другая реальность	25
Глава 5. Близкое знакомство	30
Глава 6. Очень близкое знакомство	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Марина

С самого детства Марина была типичной неудачницей. Классической.

Убожеством, объектом для насмешек, безрукой неумехой, у которой ничего не может быть нормально априори. Ронять и испытывать чувство мучительного стыда — вот на что она была годна. Опустить руки и сдаться было для нее обычным делом, и эта постыдная привычка выкорчевывалась из души, вычищалась из характера с трудом и уже в достаточно взрослом возрасте.

Даже сейчас, по прошествии времени, когда школа и старые вязаные свитерочки, доншиваемые за старшей двоюродной сестрой были далеко позади, а сама Марина считалась довольно успешной молодой женщиной, ее уверенность в себе легко можно было поколебать, всего лишь уронив папку.

И в один миг ее умение держать себя растворялось, девушка неловко сутулилась, движения ее становились быстрыми и суетливыми, и она чуть не плакала, сгребая расползающиеся по полу документы в скользких мультифорах.

Размышляя здесь и сейчас о таком положении вещей, Марина все же приходила к выводу, что все ее неудачи и вечный позор джунглей были всего лишь результатом искусственно привитой застенчивости и воспитания.

В семье ее учили быть такой — готовой жертвой, удобной для употребления какому-нибудь доморощенному тирану, лишь бы только он появился на горизонте и забрал ее замуж, сняв с плеч родителей эту непосильную ношу — заботу о дочери.

Марина потому и фамилию свою — Полозкова, — не любила. В ее воображении та звучала всегда издевательски и была неотрывно связана с прошлым, в котором над ней смеялись и называли исключительно по фамилии.

«О господи, Полозкова, что у тебя случилось?»

«Вечно с тобой что-то не так!»

«Ну, понятно, это же Полозкова! Разве у нее может быть что-то нормально?!»

Едва ли не с пеленок Марине внушалось, что мучиться, иметь на сердце незаживающую рану и страдать, самоотверженно преодолевая все трудности — это нормально, романтично и в какой-то мере даже хорошо, ведь это удел всех приличных женщин.

По юности и наивности Марина, не видя иного примера перед глазами, конечно, в это верила...

Ее мама, Елена Петровна, была женщиной властной, жесткой и авторитарной, а отец как раз наоборот — был человеком мягким и даже бесхребетным.

Иногда Марине казалось, что маме ее самой хотелось хоть немного побыть слабой бледной дамой, склонной к обморокам и благородным слезам, красиво ползущим по щекам, этаким беспомощной жертвой обстоятельств, которую бы все жалели и окружали вниманием.

Но отец не спешил подтирать сопли супруге и наигранных истерик с красивым заламыванием рук не понимал.

Он был человеком очень простым и приземленным и выяснять высоких отношений не хотел категорически.

Не хотел бегать в ночь за супругой, не хотел после пустяковых ссор ползать на коленях с богатыми дарами, с цветами и духами, заглаживая свою несуществующую вину. Он хотел борща и тихих семейных вечеров.

И Елена Петровна, поняв, что рядом с ней отнюдь не мужественный герой, не утонченный граф и не страстный капитан с пиратского корабля, и бурных страстей от него ожидать не приходится, замыкалась в гордом молчании на целые недели, лелея свои обиды и затаив зло.

В отместку за нечуткость мужа с годами она превратилась в холодную, вечно озлобленную стервозную тетку.

Изломала, уничтожила слабохарактерного супруга постоянными склоками и следующими за ними многодневными отказами разговаривать.

А из Марины она вздумала вылепить то, чем ей не удалось стать самой — хрупкую и беззащитную тургеневскую барышню.

Мама с детства твердила ей: «Не высовывайся, будь скромнее, веди себя правильно! Нечего модничать. Кому надо, тот сам тебя заметит!».

Отчасти это было своего рода методичкой, пособием для Марины, как себя правильно вести, а отчасти таким образом мама решала проблемы, возникающие с взрослением дочери и с ее желанием одеваться красиво и нравиться парням.

Сколько раз Марина рыдала, закрывшись в ванной, из-за того, что ее поднимали на смех из-за обносок, которые она была вынуждена донашивать за старшей родственницей!

Как она хотела хоть раз, но побыть точно такой же, как и все ее сверстники!

Не лучше, не богиней и не королевой — просто такой же, ничем не отличающейся...

Но мать раз за разом повторяла свое железное «не высовывайся!», убеждая Марину, что ее природная красота сделает свое дело, и однажды найдется тот, кому будут не важны ее старые, не модные платья.

И Марина умолкала, не смея больше напоминать о желанной обновке.

Отчего у родителей не находилось денег, чтобы одевать дочь, Марина не знала.

Они жили вовсе не бедно; вполне благополучная семья, среднего достатка.

Но отчего-то интересы и потребности Марины рассматривались в самую последнюю очередь, и мать, решая возникающие проблемы, всегда употребляла неприятное словцо «выкрутилась». Марина ощущала себя не человеком, а досадным недоразумением, трещиной на стене, которая беспокоит и все портит. А материны «выкручивания» здорово походили на то, как эту злополучную трещину заклеивали малярным скотчем и завешивали кричащим плакатом с рок-певцом, или же календарем христианских праздников. Неважно чем, лишь бы прикрыть.

Выкрутиться из положения.

Сделать видимость, что проблема решена.

А если Марина начинала возмущаться, ей тотчас напоминали ее место, и подчас очень грубо.

«Ты никто, и звать тебя никак! Твое тут только г... в унитазе! — так говорила разгневанная мать, сердясь на неблагодарность дочери. — Где я тебе должна взять? Ну, где? Повеситься мне, что ли?»

И это, конечно, давало свои плоды.

Марина, затюканная, заткнутая правилами хорошего тона, закомплексованная и морально раздавленная, по рукам и ногам повязанная приличиями, просто не научилась контактировать с людьми.

Ну, вот так.

Не умела общаться, не умела поддержать разговор, да что там — она не умела даже верно, адекватно реагировать на ухаживания мальчишек, когда некоторые одноклассники вдруг порывались за ней ухаживать.

Марина забивалась в угол, пугаясь неожиданного и незаслуженного, как ей казалось, внимания к такому ничтожеству как она, отмалчиваясь и мучительно соображая, как ей себя вести.

Заплакать, чтобы мальчишки любовались глубиной испытываемых ею чувств?

Но это было нелепо, глупо и странно, и Марина просто молчала, а мальчишки быстро теряли к ней интерес.

А потом еще и оказалось, что никому особенно не надо было ее замечать.

Пока Марина по совету своей мамы молча отсиживалась в углу, изображая из себя оскорбленную невинность и ожидая самого настойчивого разглядывателя ее уникального внутреннего мира — «мужчина должен добиваться тебя!» — кавалеров разбирали бойкие и веселые подружки.

Пока Марина, изучая иностранные языки, обогащала свой внутренний мир, в котором никто особо не жаждал копаться, чтоб понять уникальность новоявленной Золушки, одноклассницы выпрашивали у родителей модные тряпки и новые сапожки и гуляли вечерами с ухажерами.

А Марина все ждала, когда же явится ее принц, обрстая все новыми комплексами — подружки были теми еще язвами и никогда не упускали возможности посмеяться над скромными нарядами девушки, над ее ношеной шубкой, над чинеными ботинками.

Весь семейный бюджет, оказывается, был ориентирован на Елену Петровну и на подношения ей же — отец Марины наконец-то одумался и попытался вернуть утерянное расположение жестокой супруги многочисленными подарками.

Так что на новые ботинки Марине денег тоже не хватало.

Родители жили в каком-то своем, выдуманном мире, полном страстей. И им, погрязшим с этих отношений, было не до растущей дочери и до ее потребностей, которые мать Марины называла пустяковыми и неважными.

Они ловко отгораживались от жизни дочери, и в свою жизнь ее тоже не пускали.

Тепла и взаимопонимания между родными, казалось бы, людьми не было.

Так что к своим семнадцати годам, окончив школу и поступив в институт, Марина была выставлена мамой в большую жизнь совершенно к этой самой жизни не подготовленная, да еще и с кучей комплексов.

Она никогда не красила волос, не умела делать макияж, не носила туфель на высоких каблуках и считала себя дурнушкой, глупой курицей — а чем еще можно было объяснить ее неудачи?!

Учиться выстраивать отношения с людьми приходилось сейчас, уже будучи взрослой и сформированной личностью, и это было чудовищно неудобно.

Марина ощущала себя если не инопланетянкой, то уж иностранкой точно.

Ей приходилось заново учиться говорить на одном языке с окружающими ее людьми, понимать их, вникать в их шутки и сленг.

Предъявляя взлелеянную мамашей барышню миру, Марина получала в ответ лишь обидные насмешки и непонимание.

Однорупники откровенно потешались над Мариной, называя ее ломакой, не веря в ее искренность, и ей приходилось замолкать и учиться вести себя так, как они.

Долгое время Марина жила как в вакууме, не имея толком подруг и друзей; лишенная тепла в семье, сейчас, выкинутая в мир, она ластилась, как бездомная собачонка, ко всем, кто оказывал ей хоть какое-то внимание.

Без разбора кидалась в любые отношения, чтобы отогреться чужим теплом, верила любому доброму слову, принимала за чистую монету любые ухаживания...

Каждый раз ей казалось, что вот оно, то, к чему так долго ее готовила мама — вот тот, кто сумел рассмотреть ее под серыми невзрачными одежками!

Но очередные отношения заканчивались ничем, и Марина, обжигаясь, получая от жизни хлесткую пощечину, усмехалась и отступала, усваивая очередной горький урок.

Самостоятельная жизнь учит быстро, но жестко; за пять лет вдребезги разлетелся образ хрупкой наивной барышни, а Марина поняла, что не такая уж она и дура, и не такое ничтожество, каким видела себя и каким пыталась сделать ее мать.

Конечно, ей не хватало житейской мудрости и опыта, но зато, оказывается, она мастерски умела держать удар и не раскисать — самое незаменимое качество, если у тебя нет тыла в виде

слабохарактерного мужа, готового плясать перед тобой на задних лапках и приносить тебе все по первому требованию.

Очень рано Марина поняла, что рассчитывать можно только на себя. Полезное знание для Золушки, не прошедшей конкурс во дворец и никому не пригодившейся!

С Денисом, с молодым человеком, отношения с которым Марине показались первыми серьезными, она рассталась, когда ей было двадцать.

Он научил ее говорить «нет» и не позволять вытирать о себя ноги.

Разрыв между молодыми людьми произошел по ряду причин, и инициатором разрыва стала именно Марина, которая вдруг взбунтовалась и из тихой покорной девушки вдруг превратилась в нахальную хамку и бессердечную эгоистичную особу.

Во-первых, Марина ужасно не нравилась его маме.

Ее скромность никто не оценил.

Не модная, не броская, не богатая наследница, да и еще и на полгода старше.

Полгода!

Этот смехотворный разрыв в возрасте почему-то очень смущал маму Марининого избранника. Она постоянно нашептывала Денису, что «твоя Маринка только и жаждет, чтоб забеременеть от тебя и прописаться у нас дома! Ей дом наш нужен! Она усядется у тебя на шею с ребенком, а ты вынужден будешь идти работать и учебу не закончишь!».

Эту чушь хнычущий Денис пересказал Марине — у него не хватило ума отмахнуться от слов матери и забыть их.

Заглядывая девушке в глаза, Денис противно канючил: «Ну, ты же не сделаешь так, не сделаешь?».

Тогда Марина в первый раз испытала жгучее желание ударить его по лицу за стыдную, немужскую слабость, встряхнуть за шиворот, чтобы вытрясти глупость, которой была наполнена его голова.

В тот момент ей очень хотелось рыдать от отчаяния самой и кричать, кричать: «Неужели ты не понимаешь, что поддержка и защита нужна мне, а не тебе?! Неужели ты не видишь, что я должна плакать у тебя на груди, а не наоборот?!»

Но девушка сдержалась.

Не до конца похороненная тургеневская барышня, то ли монстр, то ли разбитая фарфоровая кукла, кое-как склеенная скотчем, выползла из закоулков души Марины и ласково заворковала, утешая и успокаивая Дениса:

— Нет, конечно! Что ты такое говоришь?! Я же люблю тебя... люблю... ничего мне не надо, какая выгода, о чем ты?!

От этой тургеневской дряни очень трудно избавиться, да...

Сейчас Марине было стыдно за минуту слабости, которая не позволила ей вклеить пощечину Денису, разбить его надутые красные толстые губы, наорать и макнуть его головой в те самые помои, которые он вылил на нее.

Выгода?! Какая выгода, если он и не дарил ей ничего толком?

Шоколадки? Да уж, нечего сказать, выгода...

На свой день рождения Марина получила от этой загадочной женщины, по совместительству матери своего жениха, дешевенькую книгу в мягкой обложке под названием «Поздняя любовь» и задушевную лекцию тет-а-тет, на которую ее за ручку привел Денис, на тему «Девственность, ее нужность и ненужность: для кого бережем, девоньки? Если что, обращайтесь, я помогу с контрацептивами».

Марине все это ужасно не понравилось.

Все же она не была готова к тому, чтобы посторонняя малознакомая тетка поучала ее как себя вести, давать или не давать, бесцеремонно лезла к ней под одеяло и распоряжалась ее, Марины, телом в угоду своему сынку.

Под внешней чересчур навязчивой доброжелательностью эта тетка с хитрыми глазами и носом, как у Кинг Конга, прятала гнилое нутро.

До Марины дошли слухи, что будущая свекровь очень сокрушается по поводу того, что ее ненаглядный сыночек связался с «нищевродкой».

К тому же, досталось и папе, и маме Марины. Несостоявшаяся родственница ославила их, и папа оказался запойным алкоголиком, а мама — ненормальной дурой. Вот как драгоценному сыночке родниться с такой семьей?!

Да и сам Денис по прошествии некоторого времени оказался далеко не подарком; только через полгода после расставания с ним Марина могла без боли и стыда вспоминать его попытки командовать ею, запреты встречаться с подругами, читать нравящиеся ей книги.

Притом по отношению к Марине Денис никаких обязательств не имел.

Целое лето он провел беззаботно, развлекаясь с друзьями и не удосужившись ни разу Марине не позвонить.

Девушка горевала не долго; когда горе-жених в конце августа все же вспомнил о ней и явился, Марина выставила его вон без сожалений.

— Извини, но пока ты гулял, я нашла себе другого! — сказала Марина, не оценив ни парадного костюма Дениса, нацепленного ради такого случая, ни его глуповатой улыбки и распахнутых объятий.

Глава 2. Игорь

Другой!

Так тоже бывает — чтобы полюбить, порой достаточно одного только взгляда.

Они нашли друг друга в толпе, празднующей городской праздник.

Над их головами взрывались салюты, Марина и голоса своего не слышала, а вот Игоря и его взгляд — долгий, горящий, — она увидела, выхватила из толпы.

Игорь показался ей необыкновенно красивым.

Парадокс всей жизни Марины заключался в том, что хоть она и считала себя жалкой уродиной, а вот парни, обращающие на нее внимание, сплошь были красивыми.

Симпатичными, интересными, видными, яркими — а вот Игорь был красив.

Синеглазый, светловолосый, спортивный — мама Марины лишь руками всплеснула, когда увидела дочь, сияющую от счастья, с новым ухажером, провожающим ее вечером с прогулки.

— Придется свадебное платье покупать, — раз в кои-то веки с радостью за дочь, ликуя, произнесла она, и Марина, совершенно очумев от счастья, лишь молча кивнула.

Вообще, идея фикс — выдать Марину замуж, причем срочно! — посетила маму сразу, как только дочери исполнилось восемнадцать.

Стеная и охая, картинно хватаясь за сердце, выдавая Марине жалкие копейки — на проезд до университета, плюс на пирожок, чтоб было чем перекусить в течение дня, — мама слезно стонала, как она устала «тянуть» дочь, как ей тяжело, как она хочет отдохнуть от этого непосильного бремени.

— Когда ты уже выйдешь замуж?!

Обычно все слезные жалобы мамы этим и заканчивались — злобным отчаянным выкриком, который был хуже пощечины.

Марина огрызалась, и, выскакивая из дому в холодное утро с напрочь испорченным на весь день настроением, глотала слезы бессилия.

Замуж, конечно! Каждое утро поднимаясь в пять утра и возвращаясь с учебы в семь вечера, где, когда она должна была найти мужа?!

Да и ботинки с приклеенными каблуками, пальто с вытертой до дыр подкладкой не делали ее мечтой всех парней факультета.

Иногда Марине казалось, что маман нравилось ее мучить, смотреть на ее нелепую фигуру в сером «сиротском» пальто и задавать ей раз за разом один и тот же вопрос, чтобы с садистским удовлетворением услышать ответ, выкрикнутый со слезами и истерикой.

— За кого прикажете выйти?! — орала Марина в пылу ссоры. — Кому я нужна, такая?..

Мама одно время очень надеялась, что Марина выйдет за Дениса и свалил из дому, но та выкинула фортель — бросила парня, и мама по этому поводу устроила целую истерику, попутно язвительно бросая намеки относительно того, что теперь Марина не девственница, и пойдет по рукам.

И тут словно из ниоткуда появился Игорь.

И вдруг все сложилось, сошлось; Марина вдруг поняла, что уже совсем взрослая, что выросла и ее уже не интересуют тусовки, которых она толком и не попробовала, танцы и наряды.

Она поняла, что жить с родителями действительно неудобно и плохо, и нужно бы перебраться в отдельное жилье, пусть даже съемное.

Пусть даже будет трудно поначалу!

Марина не боялась — она даже хотела этих трудностей. Настоящих житейских трудностей, а не пустых истеричных бед, которые ежедневно выдумывала ее мамаша.

Эти трудности делали бы ее живой, заставляли бы жить и планировать жизнь; научили бы действительно распоряжаться своей жизнью.

Чувство, что она испытала по отношению к новому молодому человеку, было зрелым и таким всеобъемлющим, что все прошлые увлечения теперь и сердечные неудачи казались ей смешными, детскими и несерьезными.

Марина не представляла себе, как она жила до того, как встретила Игоря, как ей вообще нравились какие-то молодые люди, если на этом свете есть он — Игорь...

И жизни без него она не представляла.

Он был ее человеком, ее половинкой, именно тем, кто ей нужен, кого она так долго ждала.

По ночам, вспоминая их свидания и первые поцелуи, Марина просто обмирала от нахлынувшего на нее совершенного, абсолютного счастья, и благодарила всевышнего, что он подарил ей это всеобъемлющее чувство любви...

Она вдруг четко осознала, что хочет не просто обжиматься с Игорем вечерами под луной — нет, она хочет за него замуж.

Хочет убирать дом, чтобы было уютно и чисто, хочет варить борщи и гладить белье.

Наглаживая свои блузки, Марина с удовольствием вдыхала запах нагретой ткани, и представляла, как будет гладить мужу рубашки.

Мужу! И никак иначе!

В такой перемене в сознании Марины тоже был повинен Игорь.

Очень опрятный, одетый просто, но аккуратно, с иголки, он как-то сразу начал говорить о серьезных вещах.

О жилье, о том, что и как принято у них в семье, даже заочно познакомил Марину со своим родителями, серьезно пояснив девушке, что очень уважает и любит их — и тонко намекнул, что очень хотел бы, чтобы она понравилась им.

Он даже на руки ее поднял — очень легко, хотя Марина была уверена, что очень тяжелая, просто неподъемная! — шутя, что в дом-то ее внести сможет.

Слово «замуж» и «свадьба» он повторял с завидной регулярностью, и Марина просто ушам своим не верила.

Мужчина с такой легкостью говорит о том, чего все они боятся, как огня? Размышляет о семейной жизни? Примеряет на себя роль семьянина? Невероятно!

От этих неспешных, основательных разговоров Марина просто таяла, и самой себе давала обещание стать Игорю отличной женой. Такой, какую он заслуживает!

Игорю Марина понравилась, очень понравилась, это верно; понравилась ее скромность, ее чистота, но вот ее тургеневская барышня с жалким взглядом побитой собачонки — нет.

А Марина, оглушенная нахлынувшим на нее чувством, так растерялась, что просто не знала, как себя вести, и просто пошла по привычному сценарию.

И на какой-то невинный вопрос Игоря не нашла ничего лучше, чем потупить скромно глазки и пробормотать что-то типа «да где уж мне, кому я нужна?»

Игорь строго посмотрел на Марину и задал один лишь вопрос:

— Ты что, совсем себя ни во что не ставишь?

От этих слов тургеневская девушка разлетелась в куски; Марина, испытывая мучительный стыд, ничего не ответила, но вопрос ее встряхнул, заставил ныть и привычно испытывать чувство ущербности.

Было чудовищно больно услышать это от любимого человека, в первые же дни их знакомства, но Марина была благодарна Игорю за то, что смогла избавиться наконец-то от стыдного желания, чтобы ее пожалели, как убогую и несчастную.

Избавилась от жалости к самой себе.

Игорю не нужна была в жены жалкая, забитая девчонка.

Он был достоин только самого лучшего!

«И я буду такой! — упрямо сжав зубы, думала Марина. — Буду!»

Однако, время шло, а дальше приятных прогулок под луной и разговоров о светлом будущем отношения Марины и Игоря не продвигались.

Был, правда, неловкий, торопливый секс — Марина почти ничего не почувствовала, — и после процесса долгое любование ею, слегка напуганной и удивленной тем, как странно и неприятно все прошло, после чего любимый шептал ей «не наглядеться на тебя, не надышаться».

Марина утешала себя тем, что, вероятно, у нее просто мало опыта, и она просто не смогла расслабиться, самое-то главное — это сам факт состоявшегося акта любви!

Но после этого неудачного свидания Игорь не предпринимал попыток снова с нею переспать, хотя и покидать ее, вроде, не собирался.

Он все так же ходил к Марине по вечерам, они много говорили, но и только.

И все чаще перерывы между визитами Игоря были все длиннее, он проводил с Мариной времени все меньше, а в его поведении, в его голосе проскальзывали какие-то противные, циничные ноты.

Марина уже с рудом успокаивала себя, уговаривала — «ну, это же твой любимый, твой Игорь, без которого ты жить не можешь!», — подавляя в себе зарождающуюся обиду и... отвлечение.

Нет, нет, это же Игорь.

Показалось.

Не может он быть мерзавцем.

Не может он меня бросить после всего того, что говорил мне, после всего того, что обещал, после стольких совместных мечтаний и выстроенных воздушных замков!

Не может! Иначе зачем все это?! Зачем все это было?! Зачем было дарить ей надежду?

Вот этого объяснить Марина совсем не могла.

Игорь разочаровался в ней?

Хочет бросить, но не решается вот так, в лоб, заявить, что все кончено?

Или есть какая-то иная, веская и объективная причина?

Вероятно, Игорь, такой основательный и рассчитывающий свою жизнь на десять шагов вперед, просто не хочет приводить ее в дом своих родителей, справедливо полагая, что молодые должны жить отдельно.

Сердце чувствовало что-то недоброе, но Марина отгоняла эти мысли прочь.

Разум никак не соглашался отказаться от пережитого счастья и требовал повторения, требовал еще и еще эмоций, но...

Внезапно произошло две вещи: после того, как Марина блестяще защитила диплом, исчез, ничего не сказав, Игорь — совсем, став недоступным еще и в сети, — и умерла бабушка Марины, пожалуй, единственный в мире человек, который Марину любил и поддерживал.

Это была страшная, тяжелая неделя.

Измученная, посеревшая от горя Марина и думать забыла о пропавшем женихе.

Пожалуй, было даже лучше, что его не было.

Вести себя в такой ситуации она не умела совсем; ее хватало лишь на то, чтобы молча сидеть и смотреть в одну точку, молча переживая горе.

Отец плакал; а мамаша, напротив, была оживлена и очень деятельна.

После бабушки оставалась квартира, и у Елены Петровны на нее были огромные планы. Прихлебывая поминальный кисель, она размышляла, продать ли «двушку» — район-то престижный, да и квартира чистенькая, приличная, — или сдавать ее.

— Вот и отмучилась бабушка, — насквозь фальшивым, очень добрым голоском повторяла Елена Петровна, делая вид монахини, узревшей светлое чудо господне. — Ничего, она недолго маялась, недолго страдала.

За эти неуместные веселенькие слова Марине очень хотелось сказать матери что-то резкое, злое, чтобы та закрыла рот и не смела его больше открывать.

Но бабушка сама умудрилась дать Елене Петровне по губам, да так, что зубы лязгнули.

Вступая в права наследства, Елена Петровна с мужем обнаружили одну неприятнейшую вещь: завещание.

Нотариус, поправляя на носу очки, ехидным, как показалось Марине, голоском зачел последнюю волю бабушки, по которой право на квартиру переходит Марине, а вовсе не ее отцу.

— Вот таким вот, собственно, образом, — в повисшей неловкой тишине произнес нотариус очень мягко, словно напугался эффекта, произведенного произнесенными им словами, и Елена Петровна уничтожающе глянула на дочь, да так, что Марина тотчас захотела провалиться сквозь землю.

— Ну, учудила бабушка, — сглаживая неловкую паузу, произнесла Елена Петровна излишне весело, все так же яростно глядя на Марину, чтобы та чувствовала себя провинившейся, никчемным говном, которое опять все испортило. — Вот зачем такие сложности, одна же семья...

Старушка-соседка и сослуживица Елены Петровны меж тем спешно ставили свои подписи в документе, подтверждающем, что завещание было оглашено.

Елена Петровна и на свидетелей, приглашенных ею и одним своим росчерком уничтоживших ее мечту на денежки, смотрела лютым зверем.

— Семья одна, — нотариус был непреклонен, — но по закону именно барышня, — он кивнул на Марину, — является наследницей и может всецело распоряжаться завещанным имуществом. Так-то.

— Ну, ничего, — оптимистично продолжила Елена Петровна, кое-как пережив этот подлый удар, который, по ее мнению, она от старухи ну никак не заслужила. — Сдавать будем, да, Марин?

Самое забавное, что отец, который и являлся наследником первой очереди, и, разумеется, при всем этом цирке присутствовал, не произнес ни слова.

Марина посмотрела на него почти с жалостью; отец давно смирился с мыслью, что за него все решено и распланировано.

Он даже не пытался оспорить наследство у Марины, в его безразличных глазах рисовалась абсолютная уверенность в том, что все свершится именно так, как придумала его жена...

— Нет, — резко ответила Марина, вскинув взгляд на мать. — Не будем мы ничего сдавать.

— Думаешь, продать будет лучше? — оживилась Елена Петровна.

Ее серые глаза стали как будто теплее, в них вместо уничтожающей ярости промелькнула радость, и мать всем своим видом изобразила заботливость и покровительство так, как она умела это делать.

Весь ее вид — расслабленный, торжествующий, — словно говорил: «Ну, вот и умница. Я тебя прощаю за то, что ты существуешь, так и быть. Ну, иди сюда, дай я тебя обниму, не бойся!»

А Марина просто обмерла от страха, представляя себе, какая буря поднимется после ее следующих слов.

После материной расслабленности; после того, как она почти вкусила победу и поверила в то, что получила желаемое на блюдечке.

В ее голову даже мысли не пришло, что Марина взбунтуется, ведь рабы не имеют права бунтовать...

— Нет, — так же резко и решительно ответила Марина, глядя в ошарашенные глаза матери. — И продавать мы ее не будем. Я сама там буду жить. Это мое жилье.

Кажется, Марина догадалась, зачем мать хотела продать жилье.

Поняла. Вспомнила.

Машина — она хотела дорогую, новую машину, не скромную старенькую «Мазду», а такую, чтобы... ух!

Чтобы все соседи попадали с лавочек и балконов от зависти, когда Елена Петровна, торжествуя, садилась бы в нее!

Поэтому и отец не возражал; в глубине души он был вовсе не против такого приобретения, и прекрасно понимал, что большую часть времени именно он будет поражать умы всего района новым автомобилем.

Отказ Марины подчиниться произвел эффект разорвавшегося снаряда.

И мать, и равнодушно молчавший до сих пор отец подскочили на ноги и принялись кричать, да так, что Марина малодушно подумала сдаться и уступить.

— Квартиру ей! — сердито выкрикивал отец. Марина почти позабыла, какой у него голос; с отцом она не разговаривала вообще — о чем? Он был вечно занят, вечно чем-то озабочен, да и времени побеседовать с дочерью у него не было... А теперь, слушая его, Марина с удивлением отмечала, что интонации голоса у него точь-в-точь, как у матери. Словно Елена Петровна одновременно говорит и за себя, и за него. Смешно... — Не заслужила еще! Ишь ты, сопля зеленая! Ни дня еще не работала, а ей квартиру! Ты иди, заработай ее! Узнала бы сначала, как они, деньги, достаются!

Отец сердито сверкал темными глазами под сердито нависшими на них седыми бровями, и Марина с удивлением поняла, что он говорит так, словно она у него что-то в очередной раз просит, а он ей отказывает ввиду якобы непомерной дороговизны ее запроса.

— Зачем тебе квартира? — зло, с напором, вещала мать. — У тебя что, семья, дети? Ну, зачем?

Говоря все это, мать как-то совсем выпускала из виду свои многочисленные охи на тему «когда же ты от нас съедешь и будешь жить своей жизнью».

«Квартиру продадут, денежки фукнут, — с кривой ухмылкой думала Марина, выслушивая вопли родных, — и заведут старую песню по новой. Когда же ты уберешься... и ни тени мысли помочь мне устроить мою жизнь. Ни капли желания помочь. Сама. Все должна сама! Так они учили? Вот я и делаю... сама».

А еще ей вдруг вспомнился Игорь.

Ее Игорь, с которым она вынуждена была встречаться либо на улице, либо в своей комнате в квартире родителей.

И это бы неловко и стыдно.

А ведь можно, наконец, устроить свою жизнь с ним. Будет жилье — и он уже не станет ломать голову над тем, куда привести свою невесту.

«Да, Игорь. Мой любимый, мой хороший, мой единственный Игорь. Он не должен испытывать чувства неловкости и таиться, как вор, тоже не должен. Я для него это сделаю. Не только для себя — для него!»

Мысли о любимом человеке придали ей сил, Марина поняла, что не уступит матери с отцом даже если ей придется драться.

— Квартира бабушки теперь моя, — так же зло, как мать, рявкнула Марина, краснея от подкатывающих к глазам слез. — Вы же хотели, чтоб я жила отдельно? Вот! Ваша мечта сбылась!

— Ох ты, какая умная! — язвительно и насмешливо протянула мать, уперев руки в боки. — За наш счет!..

— Это бабушкина квартира, — произнесла Марина твердо, перекрывая все крики и визги своим внезапно ставшим таким твердым и звучным голосом. — А не ваша. И завещала она ее мне, а не вам. Вселюсь сегодня же и замки поменяю. Всего хорошего!

Глава 3. Куда делся Игорь?

На прощание, наматывая шарф на шею и кое-как, набекрень, нацепив шапку, мать ехидно, даже трясаясь от злобной радости, произнесла:

— Ничего-о-о-о... Ничего. Сама приползешь!

Марина посмотрела в ее злобно-радостное лицо, на ее трясущиеся щеки, покрасневшие от стыда и гнева, и горько усмехнулась.

Это мать? Это — ее мать?..

Вот это злорадствующее, предвкушающее Маринины трудности существо — это мать?..

Девушка чувствовала себя оплеванной, униженной, все тело от стыда ломило, словно родители ей надавали пинков. Марина знала, на что рассчитывала мать, и от этого становилось еще унижительнее и горше.

Марина работала уборщицей в одной маленькой конторе и получала гроши.

«Молодого специалиста», только выпустившегося из университета, со знанием языков и красным дипломом брать на работу не спешили.

Девушка оббивала пороги всех подряд заведений, чтобы хоть как-то устроиться получше, но всюду ей отвечали «мы перезвоним», и на этом собеседование заканчивалось.

Мать, глядя на уставшую, промерзшую дочь, возвращающуюся поздно вечером с очередного собеседования, всегда задавала один и тот же вопрос гадким, масляным голосом:

— Что, и там тебя не оценили?

Голодная и измученная, Марина лишь торопливо кивала головой и торопилась как можно незаметнее прошмыгнуть в свою комнату, а мать устало всплескивала руками, заводила к потолку глаза, тяжело вздыхала...

Как будто безо всей этой пантомимы нельзя было обойтись!

Как будто без ее страдальческого вида Марине не было трудно и нестерпимо больно!

Но, похоже, мать не знала, что такое сочувствие и поддержка; спешно закрывшись на щеколду, Марина с отчаянием слышала материнские причитания, ее долгие выговоры, которые наговорила вроде как в никуда, но адресуя их дочери.

— Учили, учили — выучили, — с горькими вздохами говорила мать. — И еще десять лет на нашей шее просидит...

Тот факт, что Марина работает и сама себя обеспечивает, хоть плохонько, но все же, мать из виду упускала.

Она презрительно морщила губы, глядя на обновки, которые приносила домой девушка, потому что вещи были очень простые и дешевые, и Марина в очередной раз испытывала причитающуюся ей порцию стыда — за то, что работает кем попало, за то, что не смогла устроиться тотчас же после выпуска, как ее подружки, и получает копейки, за то, что «на старости лет не помогает матери»...

Бабушкину квартиру на ее крохотную зарплату содержать было дорого.

Очень дорого.

Это девушка прочла в веселых глазках злорадно посмеивающейся матери. Это означало питаться одним «дошираком» — фактически голодать.

Сколько протянет Марина? Месяц, два?

Измученная, замерзшая в не самой теплой куртке, уставшая, натягивавшаяся на работе ведер с водой, сколько она протянет на пластиковой лапше?

Как скоро она приползет к матери за помощью, и сама отдаст ключи от квартиры, которую так яростно сегодня отстаивала?

Сколько слез прольет и проглотит от унижения, когда мать раз за разом ее станет спускать с лестницы и гнать туда, в пустой дом, где девушке придется провести очередную голодную ночь?

Все эти бесхитростные мерзкие радости были словно написаны на лице Елены Петровны.

Глядя в бледное лицо дочери, та, покрасневшая от возбуждения, поигрывала бровями, словно ожидая, что Марина одумается тотчас, уступит, но Марина смолчала.

Отчего-то именно сейчас ей отчаянно захотелось не уступать матери!

Зная, как трудно и невыносимо будет впереди, она не хотела доставлять матери этой пошлой радости и ушла первой, с высоко поднятой головой, не дожидаясь, когда соберутся негодующие родители.

Бабушкина квартира встретила ее тишиной, блаженным теплом и приветливым уютным желтоватым светом лампочки в прихожей.

Марина, аккуратно разувшись в прихожей, прислушиваясь к чему-то, сделала несколько шагов в сторону комнаты, чуть касаясь стены — и вдруг разрыдалась, чувствуя невероятное облегчение и тоску одновременно.

Все, что ее окружало, было до боли родным, уютным, хорошо знакомым.

Воздух все еще звучал ласковым голосом бабушки, но самой ее уже не было.

Все было на своих местах, пол поблескивал, намытый и натертый, на окне на кухне были белоснежные крахмальные занавески — бабушка прекрасно шила и вышила их сама, создала зимнюю красоту в технике «ришелье», — а ее самой — не было.

Но это тепло и уют, доставшиеся Марине — это было словно последнее прикосновение любящих теплых рук.

Забота и искреннее переживание за ее судьбу; и Марина, сидя на полу в прихожей, заливаясь в три ручья, плакала в голос, впервые в жизни не сдерживаясь, не закусывая губ и не глуша рыдания, выла.

Она всецело ощутила свое одиночество и свою абсолютную ненужность никому в этом мире, и от этого стало только хуже.

Вещи, бытовые мелочи, белье — все осталось у родителей, и идти туда не хотелось категорически, а сами они вряд ли принесут.

Нет, конечно; мама поморщит губы и с видом оскорбленной добродетели скажет:

— Ей надо — пусть идет и забирает. К тому же, это не мои вещи. Что я буду рыться в чужом белье?

Впрочем, Марина не жалела о своих потерях.

Пусть там останется ее халатик и пара платиц. Зато — и это она знала точно, — в шкафу у бабушки было много постельного белья, которое теперь принадлежало только ей!

— Переживу как-нибудь, — прошептала Марина, отирая мокрые щеки.

Впервые за последнее время она вспомнила об Игоре; куда он вообще пропал?!

Как сейчас была бы кстати его поддержка — даже не материальная, а всего лишь участие, доброе слово!

Но телефон его был недоступен; который день подряд недоступен, словно Игорь решил прервать всякое общение.

Марина от этих мыслей разревелась еще больше, и, чтоб не раскиснуть окончательно, набрала своей подруге, Аньке.

Анька была старинной подругой Марины, еще со школьных лет; в отличие от остальных одноклассниц, она никогда над Мариной не издевалась и не считала ее не кривлякой, ни дурочкой.

— Ну чего, чего, — ворковала Алька в трубку своим хриловатым голосом наседки, слушая Маринин вой, — чего реवेशь? Все, все, успокаивайся! Ну жалко, но что поделать?

— Приходи-и-и, — провыла, как пароходный гудок, Марина.

— Прямо сейчас? — усомнилась Анька. — А твои битюги орать не будут? Они же вечером тебя порвут на ветошь.

Что за люди Маринины родители, Анька тоже знала.

Видела, как те относятся к дочери; слышала, как они ее распекают. Поэтому то, что санкции последуют обязательно, не вызывало у нее никаких сомнений.

Услышав сомнение в голосе подруги, Марина вдруг перестала плакать, и совершенно спокойно и даже с гордостью ответила:

— Ань, а я не дома... Точнее, нет, я как раз дома. Я у бабушки; эта квартира теперь моя. Завещание.

На миг Анька даже захлебнулась восторгом от этих новостей.

— Крас-сава бабуля! — выдохнула она, наконец, когда способность говорить членораздельно вернулась к ней. — Сделала-таки битюгам козью морду! Слушай, ну эту бабулю помянуть стоит! Она прям сделала мой вечер! Жди меня, и я приду!

К приходу Аньки на столике на кухне уже стояло нехитрое угощение и недорогое вино.

Анька тоже явилась не с пустыми руками; стаскивая сапоги, она с порога помахала бутылкой мартини и пакетом с фруктами:

— Такую бабулю поминать только мартини! — безапелляционно произнесла она, стряхивая с плеч шубку. — Ну, рассказывай, чего там у тебя? Как битюги пережили, что квартирка теперь твоя?

То ли от алкоголя, толи от усталости, или наоборот — от сброшенного с души груза, — но Марина ничего не стала скрывать, рассказала, как есть, как повела себя у нотариуса. И о противной злобе матери, которая была уверена, что Марина не справится — тоже рассказала.

В глубине души ей было стыдно и противно от этой победы, но Анька, заедая мартини куском дешевого сыра, отсалютовала ей кружкой, в которой был налит алкоголь.

— Во-о-о! — одобрительно выкрикнула она. — Вот! Ведь можешь же! Ай, маладца! Раньше надо было битюгов строить. С ними только так, гавканьем и покусками! И не ссы, справишься ты, это все временные трудности, с работой-то. Почему, кстати, битюг, — подразумевая отца Марины, спросила Анька, — не помог тебе с трудоустройством? Он же с администрацией города на короткой ноге? Попросил бы кого...

Марина, пригубив свою чашку с мартини, устало поморщилась:

— Ты же знаешь его позицию. «Всего добивайся сама». Вот и весь его ответ.

— Вот козлина, — ругнулась Анька. — Ну, работала б ты сама, не он же! Карьеру строила б сама! Да им просто нравилось, что в доме есть человек, на которого можно лайку спустить. Знаю я таких; им просто живется лучше, если гадость сделали. Слу-ушай, — протянула Анька вдруг, — а у тебя как с испанским?

Марина пожала плечами.

— Как у меня с испанским, — протянула она. — Диплом защитила, говорю, перевожу...

— Сервантеса в оригинале, да, — язвительно поддержала Анька. — И полы моешь!

— А что делать, — слабо возразила Марина, — работать где-то надо.

— Где-то! — передразнила Анька. — Ну не туалеты же скрести! А вот я щас папке позвоню, — Анька выудила из кармана штанов телефон, принялась тыкать пальцем в яркий экран. — Что-то он такое говорил о переводчике, знаешь, как в том фильме: «Был у нас толмач. Ему переводить, а он лыка не вяжет. Ну, мы его в кипятке и сварили».

Отец Аньки работал в какой-то солидной фирме.

Марине было нестерпимо завидно, когда она смотрела на Аньку.

Нельзя было сказать, что родители ее чрезмерно баловали, но... да, баловали.

Анька, как Марина, не мечтала о новом пальто и не дырявых сапогах.

Она просто шла и покупала, а отец оплачивал все хотелки.

Жила Анька тоже, как и Марина, с родителями, и не потому, что жить ей было негде, а потому, что ее квартиру, купленную ей родителями давным-давно, кажется, на окончание девятого класса, она сдавала — ну, а что?

Пока семьи нет, можно и сдавать.

И из дома ее не гнали.

Не было нудных и тоскливых разговоров о замужестве и о шее, на которой дочь сидит, не было атмосферы ненужности и униженности... Была просто жизнь.

За Аньку отец был готов в огонь и в воду.

Он же подсутился, чтобы ее по окончании ВУЗа взяли в какую-то контору, потом в другую — попримечнее, — потом в свою, на хороший оклад, и Анька к своим двадцати трем годам была вполне обеспеченной, уверенной в себе барышней.

— Ало, пап? — зашебетала Анька по телефону, услышав ответ. — Ну, долг платежом красен, нашла я вам классного переводчика! Не, ты что, не пьет, конечно! — от этих слов Марина зафыркала, уткнувшись в свою кружку с мартини. — Да я тебе говорю, классно владеет языком! Да почему аферист, это Маринка, подружка моя!

Невнятное бормотание в трубке, как показалось Марине, смягчилось, кажется, мужчина передал привет Анькиной подружке, которую толком и не помнил, и осторожно задал наводящий вопрос.

— Ну, откуда она была в вашей фирме, — продолжала Анька. — А может, и была, когда у вас еще чудо-толмач работал, да... Да ты представляешь — полы моет! — Анька прикрыла ладонью трубку и вполголоса спросила: — Загранпаспорт у тебя есть? Придется сделать. Обязательно и быстро! Могут послать в командировку! — она вернулась к разговору с отцом. — Да! Конечно, ничего не теряет, кроме швабры! Ну, наверное, подойдет! Все, чмоки! Тогда я ее направлю в вашу степь! Давай!

Марина все это время сидела молча, не веря ушам своим. В душе ее расцветало чувство, которого она доселе и не знала — ликование и надежда.

Невероятно! Вот так просто — раз, и все?!

С другой стороны командировка... это неприятно удивило Марину.

Во-первых, она панически боялась незнакомых городов, чужой обстановки.

Она мало где бывала, и потому плохо ориентировалась в новых местах...

Или думала, что плохо ориентируется, боялась — запаниковав от перспективы оказаться в незнакомой стране, боясь потеряться, Марина вдруг вспомнила, что свой университет-то в большом и незнакомом ей городе она искала сама. И нашла.

Просто...

Марина еще задумалась, анализируя причину, по которой ей внезапно не так уж сильно захотелось работать в этой конторе, и поняла, что сам факт того, что она окажется еще дальше от... Игоря, и возможно, очень долго...

Быть от него еще дальше, в другой стране, казалось Марине очень болезненным, неудобным.

Что, если он придет, позвонит, а ее не окажется на месте?!

Что если из-за ее командировки ее счастье рассыплется в пыль? Кто будет виноват в том, что не дождался?

Она, разумеется!

Нужно было все-то немного подождать, и Игорь, наконец, вспомнил бы о ней...

— Ну, — переводя дух, протянула Анька, чуть уснувшись своей кружкой с мартини кружки Марины, — давай! За то, чтоб все получилось! Начальница у них та еще выдра, но ей толмач толковый нужен, так что, думаю, дельце наше выгорит. За тебя!

— И за тебя! — поддержала тост Марина, совершенно ошалев от неожиданности, от счастья и от терзающих ее сомнений. — Только... как же я пойду... а вдруг...

Анька, услышав это бление, свирепо уставилась на Марину и сделала страшные глаза.

— Никаких «как я пойду»! — прорычала она. — Никаких «вдруг»! Маринка, задуши свою Полозкову! Это она в тебе говорит! Крутись, думай, как все обстрять, как все получится, а не о том, что у тебя чего-то не хватает! И запомни: потеряешь это место — еще долго искать будешь приличное! Нравится тебе полы мыть? Вот то-то!

— Да я ж из дому сбежала, — рассмеялась Марина, разводя руки, выдумывая себе оправдание. — Все вещи у родителей...

Она развела руки, демонстрируя свой скромный наряд, и Анька поморщилась:

— Да и черт с ними, — ответила она, наконец. — Пусть подавятся битюги твоими трусишками. На первое время дам я тебе платице и пару штанишек, перетопчешься. А потом сама себе прикупишь чего надо. Не ной только. Отвыкай от того, что ты неудачница! Если не отвыкнешь — так ею и проживешь всю жизнь! Кстати, — Анька вдруг неприятно, как-то холодно прищурилась, — а что этот... Игорь твой? Подает признаки жизни?

Эти слова после практически сказочной, праздничной эйфории обрушились на голову Марины как ледяной душ, еще больше селя в ее душе сомнения.

Она вмиг погасла, стушеввалась, спрятала глаза от внимательного взгляда Аньки.

Игорь... вот истинная причина того, отчего Марина сейчас торговалась и не решалась сказать твердое «да».

— Не появлялся, — подвела итог подруга. — Марина, души Полозкову! Ты тут абсолютно не причем! Уж за поступки посторонних людей ты точно не должна отвечать. Просто... странно это как-то...

Анька замолчала, нахмурилась, и Марина почуяла, что вопрос этот задан ей не просто так.

— Ты что, видела его? — спросила Марина. Ей показалось, что она проваливается в какую-то яму, и падает, падает, падает, летит, как снег в ночи, вниз, в темноту, с огромной высоты. Все стало неважным и мелким, ничтожным в сравнении с тем, что Игорь нашелся! Она услышала его имя; она снова ощутила его в этом огромном мире, он не исчез, не превратился в плод ее воображения, он был где-то рядом!

— Да видела, конечно, — небрежно ответила Анька. — Прошел мимо, сделал вид, что не узнал... ну, может, и правда не узнал. Короче; он в центре работает. Кредиты выдает нуждающемуся населению. Весь такой при галстучке, наутюженный...

Странно; вот это действительно было очень странно.

Марина даже остолбенела на мгновение, чувствуя какой-то подвох.

Нет, в том, что Игорь работает, выдавая кредиты, ничего такого не было.

С его любовью к деньгам — а эта его черта очень сильно бросалась в глаза, — это было даже вполне ожидаемо.

Станным было другое; он работал, каждый день ходил туда, в свою контору, как ни в чем ни бывало, все такой же гладкий, аккуратный и красивый, а ей, Марине, не удосуживался и слова сказать по телефону!

Ни позвонить, ни прийти у него времени не было, получается...

— Да, ему трамваем не переехало ноги, и на войну он не пошел, — произнесла Анька, угадав нехитрые мысли Марины, тем более что все они выписывались у нее на лице. — Он просто послал тебя, и все. Вот что за говнюк!

— Может, у него на это есть какие-то причины, — тоскливо произнесла Марина.

Ее глаза наполнились слезами, и Анька тотчас пожалела о том, что затронула эту тему.

— Да и фиг с ним, — поспешно ответила она. — Фиг с ним! Ты сейчас занята будешь, тебе некогда будет романы крутить. Пока освоишься на новом месте, пока втянешься в

работу... А там, глядишь и в Испанию полетишь! В командировку! Классно же? Мир повидать!

Анька принялась рисовать Марине радужные перспективы, но мысли Марины уже были там, с ним, с Игорем.

Неужели все было зря?!

Ведь она для них двоих сражалась, выбивая у своих родителей эту несчастную квартиру!

Рассорилась с самыми родными людьми, надеясь на то, что сделает это для того, чтобы счастье с Игорем обрести, и что?!

Все напрасно?!

Неужто он напугался, реально напугался ее бедности? Понял, что возьмет ее у родителей в одном только свадебном платье?

А Игорь деньги любил, да. Он много раз говорил о том, что его-то семья будет жить в достатке. И что же?! Неужто же ему деньги стали важнее и нужнее ее, Марины?

Впрочем, ответы на все эти вопросы Игорь скоро дал сам.

Если бы у Марины спросили, сколько он отсутствовал, она не смогла бы сказать.

Она знала, но язык бы не повернулся произнести «полтора месяца».

За это время горе сменила радость — с головой погрузившись в новую работу, Марина на некоторое время выпала из своей тоски. Жизнь тянула ее вперед, заставляя решать множество проблем и задач.

В фирму ее приняли.

Начальница, довольно красивая женщина средних лет, красящая волосы в блонд, глядя на Марину недовольно морщилась.

Да, Анька, как и обещала, выделила Марине из своего гардероба довольно приличные джинсы, но едва только попав на территорию фирмы, Марина поняла, что джинсы тут неуместны.

Все выглядели очень официально — костюмы, галстуки, строгие юбки, высокие каблочки, — и Марина ощутила себя клоуном в расписной Анькиной майке и кроссовках с разноцветными шнурками.

Но вот документы Маринины начальнице понравились, как и ее произношение.

Слушая Марину, женщина потерла виски и прикрыла глаза.

— Словно снова в Мадриде побывала, — произнесла она.

Голос у нее был красивый, но какой-то отстраненный, неприятно холодный, высокомерный даже, отчего похвала прозвучала как-то неприятно.

— Хорошо, — все так же негромко и прохладно произнесла начальница. — Я возьму вас... с испытательным сроком, конечно. И переоденьтесь; у нас так не принято. Мы контактируем с солидными людьми. Мой партнер по бизнесу, — в ее мертвом голосе послышались нотки торжества, — настоящий испанский гранд. Очень старинный дворянский род. Понимаете? Приходится держать марку... Соответствовать...

Женщина откинула с плеч на спину светлые волосы и устало вздохнула, чтобы Марина как следует поняла, сколько сил у нее отнимает это многозначительное «соответствовать».

— Получите подъемные, и чтобы больше я не видела этих веселых кроссовок, — велела начальница. — Идите.

Подъемных было так много, что Марина испытала настоящий шок, увидев эти деньги.

Начальница велела приодеться — а Марина просто не могла поверить, что все это принадлежит ей, это ее, и она может это использовать так, как ей вздумается.

Первой ее мыслью было позвать Аньку, чтобы та помогла распорядиться внезапно свалившимся на голову богатством.

Марина даже взяла трубку, ее пальцы пробежали по кнопкам, но внезапно для самой себя она дала отбой и телефон отложила.

«Души в себе Полозкову, — велела она себе. — Придави этого монстра, это гнусное создание, которое шепчет, что ты не сможешь, не сумеешь, не знаешь! Свалить всю ответственность на кого-то другого — а своей головы что, нет? Чем я хуже Аньки? Неужто сама себе трусы без подсказки не смогу купить?! Что за потребность такая — ходить с мамочкой за ручку?!»

На улице уже темнело; было всего четыре часа дня, но шел октябрьский промозглый дождь со снегом, небо было затянуто низкими тучами.

Однако, Марине не терпелось сию же минуту добежать до магазина и купить что-нибудь, хотя бы первые свои туфли на высоком каблуке. Хотя бы какую-то мелочь!

Она спешно натянула сапоги и застегнула куртку, повернула ключ в замке, и...

На площадке ее ждал Игорь.

Он просто стоял, как будто точно знал, что она сейчас выйдет. Не звонил, не стучал — стоял и ждал. И Марина тоже встала на пороге как вкопанная, потому что этой встречи она вовсе не ожидала.

— Игорь! — пискнула она, когда первый шок от встречи прошел.

Она кинулась молодому человеку на шею, обняла его, поцеловала, не веря своему счастью.

Мечты сбываются!

Неужто и ее жизнь, такая беспросветная и серая, вдруг начала налаживаться? Неужто Марина, вечная неудачница, получила вдруг все и сразу?

Игорь молча перенес ее ласку.

Именно перенес — Марина скорее почувствовала его эмоции, чем увидела какое-то неловкое движение или выражение лица. Он хотел ее отстранить, даже оттолкнуть, но сдержался, и ласку, ее поцелуи, ее радость после долгой разлуки принял.

— Как ты узнал, где меня искать? — Марина буквально захлебывалась своей радостью, она распирала, давила, вытесняла все прочие мысли из головы девушки, веля закрыть глаза за неприятно цепляющие вещи в поведении Игоря.

Он здесь, рядом с ней — что еще нужно для счастья?!

Однако что-то уже в Марине изменилось.

Какая-то неприятная ей самой расчётливость появилась в ее сознании, и теперь с незнакомым, несвойственным ранее Марине холодком нашептывала девушке: «Как вовремя он появился, однако! Именно сейчас, когда у меня вроде все налаживается! А когда мне нужна была помощь и поддержка, где он был? Почему не мог выкроить и минутки для звонка? Теперь у меня квартира, денежная должность, и он нарисовался, хрен сотрешь! Или он не знает об этом? Кто б ему рассказал? Или знает?»

Неожиданно для себя самой Марина решила быть осторожной.

Раньше...

Раньше она налетела бы на Игоря и с порога бы ему похвасталась, рассказала бы и о фирме, работа в которой раскрывает перед ней весь мир, и о собственном жилье.

В ее глазах светилась бы собачья преданная радость — смотри, любимый, как много всего я могу дать тебе! Я не бесполезная неудачница, как обо мне говорят другие!

Смотри, любимый!

Однако теперь ей было стыдно.

Стыдно за то, что она так вела себя — не с Игорем, так со всеми остальными, покупая их внимание и любовь какими-то выгодами, которые люди могли получить с нее.

Стыдно за свою собачью преданность и безмолвность, за которую ей неоднократно доставалось по самым больным местам в душе.

Игорь пропал без объяснений, а теперь явился, как ни в чем не бывало. И что? Проглотит она это пренебрежение, даже не спросить, где он пропадал?

«Черта с два!»

— Я зашел к вам, а твоя мать сказала, что ты у бабушки, — с прежней ясной улыбкой ответил Игорь.

Ага. У бабушки. Значит, главного он не знает... тем лучше.

— Нам надо поговорить, — продолжал меж тем Игорь. — Выйдем?

Только теперь Марина заметила, что он волнуется.

Не хочет ее поцелуев, прикосновений, сторонится ее — и волнуется.

Сердце ушло в пятки, Марина и не заметила, как оказалась на улице, под холодным снежным дождем, а Игорь, ее Игорь, торопливо закуривая, лишь выше поднял воротник на пальто, ловя сигаретой бьющийся в ладонях язычок пламени, перед тем как произнести три слова, который, казалось, острой болью ввинтились в мозг девушки.

— У меня есть другая.

Вот так запросто.

Тук, тук, тук.

Марине показалось, что она ослепла и оглохла, что мир вокруг нее перестал существовать, и отчасти это было правдой.

Все ее мечты, все ее надежды, вся ее радость и самые светлые чувства — все рухнуло в один миг. Вся та жизнь, на которую она рассчитывала, все самое прекрасное — оно было связано с Игорем.

Марина хотела стать его женой. Матерью его детей. Красивой и уверенной, ему под стать.

К этому она стремилась. Эта цель, чувства к Игорю — они должны были вытащить ее из серого болота, в котором она прозябала до сих пор.

— То есть, ты так просто об этом говоришь?! — выкрикнула Марина. Истерика уже накрывала ее, боль, разочарование, отчаяние и страх завладевали ею. — Нет, скажи, что ты соврал! Скажи, что пошутил!

Игорь прятал глаза.

Уже рыдая, Марина почувствовала стыдное желание — поверить снова.

Собрать осколки разбитого, склеить их и сделать вид, что ничего не было. Пусть только скажет, что пошутил. Что солгал. И она все простит, и все будет как прежде!

Очередная попытка повилять хвостиком.

Когда до Марины это дошло, она едва не зарычала от злости.

Отчего, отчего она снова и снова идет по одному и тому же пути, совершает одни и те же ошибки, хотя — казалось бы! — хотела бы навсегда покончить с этим постоянным унижением?

— Я не скажу этого, — меж тем произнес Игорь. — У меня действительно есть другая девушка. Я женюсь на ней.

— Вот как! — со смехом выкрикнула сквозь слезы Марина. — Вот за что ты так со мной, а? Я тебе что, игрушка?! Поиграл и выкинул?! Чем я хуже — не понимаю! Значит, мне признавался в любви, а сам посматривал, искал кого поинтереснее?

— Все было не так! — не вынеся ее обвинений, выкрикнул Игорь. — Совсем не так!

— А как? Ну, давай, расскажи мне — как! Расскажи про любовь с первого взгляда!

— Именно, — тяжелым голосом произнес Игорь, глядя в заплаканное лицо Марины светлыми синими глазами. — Любовь с первого взгляда... к тебе, Марина. Когда мы познакомились... тогда, на празднике... у меня уже была невеста. Свадьба была назначена на зиму; на январь... Она тоже очень хорошая девушка, я ее тоже любил... очень. Но так вышло. Встретил тебя, и... влюбился.

— Вот это номер! — выкрикнула Марина безо всякого почтения к переживаниям Игоря. — Так мне, может, ей еще посочувствовать надо?! Получается, это я негодяйка-разлучница?

— Не надо так, — произнес Игорь. — Ты тоже ни в чем не виновата. Это все я. Я долго выбирал между вами, долго думал...

— Но выбрал все же ее, — горько подвела итог Марина. — Кто она?

— Дочь прокурора города, — нехотя ответил Игорь. — Учится на юриста, судьей хочет стать.

— Ах, прокурора!

Марина гнала гадкие мысли, но они лезли в ее голову снова и снова.

Прокурор... положение, власть, деньги, достаток — все, как хотел Игорь.

В его выборе именно это перевесило чашу весов в пользу прокурорской дочки.

— Если так сильно в меня влюбился, — язвительно заметила Марина, — то чего ж не отменил свадьбу? Ведь у нас все же было хорошо!

— Хорошо, — повторил Игорь, чуть усмехнувшись, и Марина со стыдом вспомнила их неловкий, неуклюжий секс, от которого, наверное, и Игорь не получил никакого удовольствия.

Вот, оказывается, почему он сторонился Марины и не лез ей под юбку.

Образ невесты, дочери грозного прокурора, преследовал его, он просто не мог расслабиться, или, как вариант, испытывал некоторое чувство вины.

Он же, по сути, изменял невесте...

Или боялся, что вернувшись от Марины к своей невесте, ложась с ней в постель, не сможет скрыть, что был с другой!

А Марина-то принимала эти его ужимки за порядочность, а-ха-ха-ха! Глупая курица... А он просто хотел отметить у понравившейся ему девчонки. Записать в список своих побед.

Игорь пожал плечами.

— Все давно готово, — словно оправдываясь, произнес он. — Тесть подарил однокомнатную квартиру, выпишет доверенность на свою машину...

Ол инклюзив. Бинго. Страйк! Все и сразу.

Марине стало невыносимо стыдно за то, что она любила этого человека.

Стыдно за его жадность и за свою глупость — как можно было не разглядеть, как можно было поверить этому человеку?!

Стыдно за Игоря и его пошлую радость, мелькнувшую в глазах при упоминании доверенности на машину.

Какая же мерзость, какая же грязь!.. Жаль было уже не себя, а своих чувств, которые были прекрасны, и которые были потрачены на вот этого жадного червяка.

Прокурорскую дочку захотел... выдающий кредиты жалкий бумажный червь...

Марина задушила в зародыше поползновение сию минуту, здесь и сейчас, рассказать Игорю о своих успехах.

Нет, только не это!

Он ведь может и передумать, а она... она может смалодушничать, принять его... и жить потом всю жизнь с этим дерьмом. Или снова потерять, когда он увлечется более перспективной девушкой, которая даст ему больше. И все повторится вновь: слезы, мольбы, расставание, боль...

Было нестерпимо больно, но Марина все же нашла в себе силы отвернуться и бежать, бежать прочь от этого монстра, рыдая и проклиная все и всех.

«Души свою Полозкову! Ты не должна соглашаться на предложения этих скользких прохвостов! Никому твои чистые чувства не нужны, и ты сама не нужна — только успешность и достаток... как у прокурорской дочки! К черту все; к черту! Какая любовь, какая семья, нужно думать только о себе!»

Марина остановилась; в ее душе еще оставалась капля надежды, что ее Игорь, тот, кого она полюбила, — наплюет на все и погонится за ней, чтобы вернуть.

Но позади нее была только пустота; никого. Темнеющая улица и холодный снег.

Глава 4. Другая реальность

Тонкие каблочки звонко цокали по полу. Над головой разносился мелодичный сигнал, после которого приятный голос девушки объявлял посадку на рейс.

Марина, покачиваясь на высоких каблуках, тащила за собой чемодан на колесиках, расстегивая на ходу тонкое пальто цвета топленого молока.

Больше всего на свете ей хотелось поскорее избавиться от тяжелой поклажи и снять пальто — было слишком жарко.

Марина улетала из холодного промозглого марта, и, как бы она не старалась одеться максимально легко, все равно для Испании она была одета слишком тепло.

Здесь было почти лето, плюс восемнадцать и ослепительное солнце, бликами зажигающее пожар на прозрачном стекле перегородок и вертящихся дверей.

Первая командировка!..

От предвкушения у Марины дух захватывал, она едва не попискивала, торопливо семеня вслед за своей начальницей, которая шла к выходу уверенно, как ледокол «Ленин» во льдах Арктики.

Кто бы мог подумать, что неудачница Полозкова рванет в Испанию!

Да половина из тех, кто ее травил и дразнил, душу б продали за шанс слетать в Севилью, или ту же Андалусию. А уж за личное знакомство с грандом, с самым настоящим грандом, половина недоброжелателей отдала бы даже индульгенцию, если б таковая у них сыскалась.

А Марина с ним будет говорить, работать...

Марина спешила вслед за Вероникой Андреевной, которую под локоток увлекал за собой высокий мужчина в годах — черт, даже назвать его пожилым язык не поворачивается!

Безупречно сидящий на нем светлый серый костюм, белоснежная сорочка и мягкие удобные туфли; черные волосы с густой проседью, темно-карие глаза, острый взгляд, породистый нос, аккуратная борода.

Наверняка уход за ней отнимает у него кучу времени, почему-то подумала Марина.

Да у него даже маникюр на руках, вот это да!

Педро де Авалос, как представила его Вероника Андреевна, кокетливо протягивая ему узкую кисть с остро наточенными ноготками.

Испанец ее узкую ладонь подхватил и церемонно поцеловал тонкие наманикюренные пальчики, отчего глазки начальницы так и забегали.

Было совершенно очевидно, что испанец Веронике нравится; да что там нравится — от его старомодных церемоний она плавилась, как масло на солнцепеке.

Она даже дышать престаивала, когда он поднимал на нее взгляд невероятно темных глаз под такими же невероятными черными ресницами. Кажется, Вероника была немного влюблена в своего титулованного партнера. Впрочем, почему — немного?..

— Это такая честь для нас, — промурлыкала Верника, — что вы сами нас встретили... Так неожиданно и так приятно...

Марина машинально перевела — у начальницы язык был отвратительным.

Она почти все понимала, если ей было нужно, но говорить не могла совершенно. Какая-то совершенно необъяснимая языковая глухота.

Де Авалос выслушал перевод внимательно и чуть улыбнулся, сверкнув ослепительно-белыми зубами из-под ухоженных усов.

— Мадридский выговор, — похвалил он Марину, отвесив ей легкий поклон. Казалось бы, ничего не значащая похвала, а девушку кинуло в жар, и она заулыбалась совершенно глупо и застенчиво. В миг позабыв все свои обещания самой себе держаться с достоинством и сдер-

жанно. — Я совершенно случайно оказался свободен. Почему бы не помочь добраться очаровательным дамам?

В кармане у Марины завозился телефон.

Одно за другим приходили оповещения о пропущенных звонках, и Марина, чертыхаясь, перекинув на плечо ремешок дамской сумочки, полезла в карман.

Вероника Андреевна с де Авалосом меж тем неспешно двинули к выходу, а Марина выудила аппарат и ответила на звонок почти с ненавистью.

В последнее время, примерно с месяц, мать начала названивать ей, интересоваться ее делами.

— Ты что-то совсем нас забыла, не появляешься, не звонишь, — всегда бодрым голосом начинала она, и Марина слышала если не осуждение, то этакий своеобразный штурм.

Мать хотела все исправить; словно не было ничего — не было ссор, не было ругани и унижений. Только и исправить она все хотела как обычно — ломая через колено гордость Марины и ее взгляд на все произошедшее, совершенно не интересуясь ее мнением.

— Как бы ни было, — все с тем же напором продолжала мать, — мы же твои родители, мы тебя вырастили!

Марина не знала, зачем им вдруг понадобилась.

Отработав полгода в фирме, немного научившись «соответствовать», Марина — нет, не стала принцессой на горошине, — превратилась в современную и деловую девушку.

Она, что называется, узнала себе цену и почувствовала уважение — не за просто так, а за свои личные качества.

Все материны крики, все унижение — все вдруг куда-то рассосалось, прошло, и Марина поняла, что можно жить и безо всех этих гадостей.

Впервые за много лет она ощутила себя свободной и уверенной в завтрашнем дне.

Она могла себе позволить позвать подружек вечером, попить чаю и обсудить что-нибудь интересное, она могла купить ту вещь, которая ей нравилась и была нужна.

В спальне на полке теперь красовались прекрасные книги об Испании, с хорошими фотографиями, словари и художественная литература, которую Марина могла позволить себе выписать из любой точки мира, не скрывая свою покупку и не ожидая свирепого ворчания на тему «бесполезной траты времени и финансов».

Ее жизнь покатила по какому-то другому руслу — не сказать, что спокойному, но более достойному, да.

И вдруг всю эту эйфорию начали разбивать вдребезги звонки от матери.

Зачем она звонила? Зачем?

Действительно соскучилась?

Марина в это не верила. Ее дела никогда не интересовали мать, с чего вдруг сейчас заинтересовали?

Узнала о Маринином процветании?

Кто-то успел рассказать, что Марина больше не моет полы, а вполне неплохо живет? Или мамаша нащупывала почву, проверяла, созрела ли Марина, чтоб квартиру отдать?

Марина не собиралась выяснять причину такой внезапной материнской любви.

— Мама, мне некогда! — рычала Марина в трубку, вечерами зарываясь в книги и раздражаясь, когда ее от них отрывали. — Все у меня хорошо!

Марине казалось, что мать должна понимать, отчего дочь с нею общаться не хочет, но та упорно лезла в новую жизнь Марины, которую девушка самой себе клятвенно обещала ограждать от всяких уродов.

Она звонила и днем, и когда Марина что-то переводила для начальницы, и вечером, и вот теперь... добралась до аэропорта.

— Слушаю! — голос Марины, разумеется, звучал раздраженно, и абонент на мгновение стушевался, смолк. Марина даже подумала, что чересчур груба и хотела смягчиться, но вместо ожидаемого материнского голоса услышала Игоря.

— Привет, — произнес он глуховато, словно простыл.

От неожиданности Марина споткнулась на ровном месте и едва не упала, остановилась, безнадежно отстав от начальницы. В горле ее пересохло, сердце бешено колотилось.

Еще ни дня не проходило, чтобы она себе не представляла, как однажды встретит Игоря, как тот раскается в своем выборе, и как...

Даже от самой себя она скрывала, что хотела бы начать все сначала.

Эта возжеленная новая встреча — по сути мечты о ней были мечтами о начале новых отношений.

Марина тосковала; возвращаясь домой с работы, она искала Игоря глазами в толпе, в общественном транспорте, в крупных торговых центрах, и, не находя, выдумывала долгие истории о том, как однажды эта встреча все же произойдет, и тогда...

— Что тебе нужно? — еле смогла произнести она.

— Я соскучился, — ответил Игорь.

Его голос был такой теплый, такой родной, что на миг Марина ему поверила, растворилась в его бархатных интонациях. Ее кинуло в жар, словно она в своем пальто оказалась под жарким испанским солнцем, и Марина перевела дух, осторожно, чтобы Игорь не услышал ее судорожного вздоха.

— Может, встретимся сегодня?

От этого предложения Марина и вовсе потерялась и долго мочал, не зная, как реагировать на это предложение.

Такое долгожданное и желанное!

Вдруг царапнула досадная мысль, что когда-то давно она была права, надо-то было всего лишь подождать... Но Марина тотчас отогнала ее прочь от себя.

Подождать? От всего отказаться, и от этой поездки, которая, разумеется, очень интересна ей, ради этого говнюка, который морочил ей голову?!

— Приглашаешь в гости? — насмешливо хмыкнула она, наконец. — А жена-то одобрит такие... гости?

Игорь женился в январе; Марина это точно знала, и в день его свадьбы сидела вечером одна, тихо, не включая света, поражаясь, как он может сейчас быть там, радостно улыбаться и принимать поздравления после того, как просто наплевал ей в душу?

Интересно, вспоминал он о Марине, ставя свою роспись в ЗАГСе?

— Думал, у тебя встретимся, — осторожно ответил тот, и Марина усмехнулась, в очередной раз поражаясь его нахальству.

— Нет, — ответила Марина твердо, обретая, наконец, способность соображать.

Та, давняя плаксивая история, окончившаяся снежным вечером, коснулась ее души, напомнив нежность и отголоски несостоявшейся любви, и тотчас пропала.

Это было прошлое, и оно мертво; сейчас перед Мариной раскрывались стеклянные двери в аэропорту, и солнце жаркой Испании немилосердно било в глаза, слепя.

— Я сегодня не могу. Занята.

Игорь смолк.

Думал, что она мстит ему? Или разлюбила?

Марина вдруг отчетливо поняла, что именно здесь и сейчас она может отомстить Игорю, пребольно уколов его самолюбие, посмеявшись над его пошлой мещанской радостью. Доверенность на машинку, хм...

— Давай тогда завтра, — нерешительно предложил он. — Или когда сможешь. Я правда хочу увидеть тебя. С женой у меня все. Я же не врал, когда говорил, что полюбил тебя. Не смог забыть. Не смог жить с ней.

— Я не знаю, когда смогу, — как можно небрежнее ответила Марина. — Извини, не могу говорить. И вообще — я в Испании. Привет прокурору!

Последние слова она выкрикнула почти со злобой, с мстительной радостью.

Эта маленькая победа наполнила все ее торжество просто невообразимой энергией, она вылетела на улицу, как комета, и, рассмотрев светлые волосы своей начальницы далеко впереди, бросилась к ней наперерез потоку машин, в основном такси.

Визг тормозов и вой клаксона не сразу дошли до ее слуха, она ойкнула и присела, выставив вперед руки.

Удар пришелся в бедро, и Марина неуклюже шлепнулась на зад, больше напуганная, чем действительно подбитая.

В голове звенело, яркое солнце слепило, и Марина некоторое время не могла понять, о чем ее спрашивают люди.

Вокруг нее тотчас же собралась толпа, кто-то помог ей подняться, и Марина вскрикнула от резкой боли в бедре и снова уселась на свой чемодан.

На глаза ее наворачивались слезы, но она упрямо сжимала зубы, чтобы тут, при всех, не разрыдаться от обиды, досады и отчаяния.

«Нет, это только со мной могло такое произойти, — подумала Марина зло, увидев в толпе испуганно охающих людей свою начальницу. — Полозкова, ты никогда не изменишься! Как была неуклюжей коровой, так ею и осталась! Прилететь в Испанию и попасть под машину!»

— Расступитесь! Что вам здесь, цирк, что ли?

Сильные руки подхватили ее, Марина и ойкнуть не успела, и девушка оказалась на руках у молодого человека, хозяина яркой спортивной машины, которая сбила ее.

Раньше ее на руки поднимал только Игорь, и то один лишь раз, осторожно, примеряясь к нежному весу ее небольшого тельца.

У Марины был еще один комплекс; при своем небольшом росте она считала себя... толстой. Поводом к тому была роскошные грудь и бедра.

На анорексичных моделей Марина уж точно не была похожа.

Но даже заверения парней, которые за ней ухаживали, не могли убедить ее в том, что она вовсе не толстая, а весьма аппетитная девушка. Игорь тоже поднял ее осторожно, явно опасаясь ударить в грязь лицом. После этого он был в глазах Марины невероятным силачом.

Молодой человек, который теперь держал ее на руках, словно и не замечал ее веса вовсе.

Он нес ее легко, словно она была не взрослым человеком, а маленьким ребенком.

Его сильные руки обхватывали ее крепко, но бережно, и Марина, прижавшись к его груди, к яркой красной спортивной куртке, уловила свежую нотку в его чарующем горьковатом парфюме.

Марина и пискнуть не успела, как он весьма скоро донес ее до своей машины и бережно опустил на сидение, помог удобнее устроить ушибленную ногу.

Солнце светило ему прямо в лицо, высвечивало насквозь чуть растрепавшиеся черные волосы, и молодой человек, чуть склонившись, заглянул Марине прямо в глаза.

— Вы слышите меня? — произнес он медленно, явно для того, чтобы туристка поняла его. — Вы меня понимаете?

— Si, — еле слышно ответила Марина, потрясенная.

У испанца были невероятного цвета и красоты карие глаза, с какой-то типичной южной туманной ласковостью на самом дне.

Красновато-карие, прозрачные, как заварка самого дорого чая, в обрамлении густых, черных, словно лакированных ресниц.

Черные, тщательно уложенные волосы, черные брови.

Очень мужественное лицо, тонкий породистый нос, чувственные яркие губы.

Легкая небрежная небритость лишь шла ему; и Марина зависла, все еще ошеломленная столкновением и перемешавшимися в ее душе чувствами.

Ей казалось, что она где-то уже видела это лицо, это широкие плечи и красивые, сильные руки. Особенно ее поразили его кисти — идеальных пропорций, длиннопалые, и жесткие, как сталь. Очень красивые, сильные руки... явно привыкшие к тяжелой физической работе.

Странно; дорогая машина, прекрасный парфюм, породистое лицо — и физическая сила, которую можно объяснить только тяжелой работой.

«Ну вот, — мрачно подумала она, молча разглядывая своего визави, — вроде, удар пришелся по заднице, а повредилась голова. Еще немного, и я поверю, что встречала его в прошлой жизни, и это мой суженый... но какой же невозможно красивый мужик, Боже мой! Да, Испания стоила того, чтоб приехать и увидеть вот такого... и еще и на ручках поносил... Господи, о чем я думаю?! Почему я такая дура?! Так, все, возьми себя в руки! Никаких парней! Дурацкая ты Полозкова, ты же понимаешь, что этот случайный знакомый сейчас исчезнет из твоей жизни, и бегать по Андалусии, его разыскивать, у тебя не будет ни времени, ни возможности?»

— Зачем вы прыгнули под машину? — хмурясь, допытывался испанец. Даже когда он сердится, на щеках его играли обаятельные ямочки, и Марина ощутила себя Вероникой, плавающей под взглядом де Авалоса.

Глава 5. Близкое знакомство

— Так зачем? — допытывался молодой человек. Солнце красиво сверкало в его темных глазах, и Марина подумала, что смотреть ему в лицо — это выше ее сил. — Вы точно не Гринпис? И я потом не увижу свое фото в газете с надписью «убийца»? Если это так, если я прав, то это самый глупый поступок, который я видел за всю свою жизнь.

Марина молчала, лишь отрицательно качая головой; она думала, что с Игорем у нее было что-то вроде любви с первого взгляда.

Они просто увидели руг друга в праздничной танцующей толпе и просто подошли друг к другу. Без объяснений, без стеснения и без лишних вопросов.

Теперь же... рядом с этим мужчиной, Марина вдруг ощутила себя так, словно не было многолетней борьбы с «Полозковой» — уродливым чудовищем, взлелеянным ее матерью.

Все то, что мешало ей жить, общаться с людьми, вдруг ожило, выбралось из самого дальнего, самого темного уголка ее души и завладело всем ее существом.

Марина чувствовала, что не может и слова произнести и просто молча краснела, потупив взор.

Не может поднять глаз, чтобы прямо глянуть в красивое лицо; не смеет и слова произнести, потому что горло ее перехвачено спазмом, и вместо слов наверняка будет какое-то жалкое мяуканье.

«Да что со мной такое! — ругалась Марина, тая от прикосновения сильной ладони к своему плечу. — Ну, подумаешь — красивый, ну, подумаешь — совсем рядом со мной...»

Даже яростное рычание начальницы не сразу вернуло ее из мира грез на грешную землю, и родная речь показалась ей незнакомой и страной, а перед глазами все плясали яркие солнечные блики в темных красивых глазах.

— Полозкова! — рычала своим стервозным, замороженным голосом начальница, совершенно беззащитно разводя руками и понимая, что если сейчас Марину увезут в больницу, то она, Вероника Андреевна, останется одна и совершенно беспомощная в чужой стране без знания языка.

Этот страх отражался в ее взгляде и так красноречиво выписался на побледневшем лице, что де Авалос поспешил ее утешить и успокоить. Он говорил что-то, а Вероника беспомощно смотрела на него, повторяя хаотично отдельные слова.

— Но отель, — повторяла Вероника за испанцем. В голосе ее было отчаяние. — Коррида... господи, какая коррида?!

Марину трясло; кажется, пришло понимание того, что только что чуть не произошло — на ее счастье, у водителя оказалась отменная реакция! — и Марина с трудом сдерживала себя от того, чтобы не разрыдаться в голос тут же.

«Только не реветь! — думала она в отчаянии. — Только не ныть! стыдоба какая... Как Полозкова не поступила бы ни за что на свете? Она бы разнылась, чтобы ее пожалели и оставили в покое — это точно. А вот сохранить достоинство ей не по зубам... как и признать свою ошибку».

— Простите меня, — неживым, лишенным всяких эмоций голосом произнесла она, обращаясь к сбившему ее водителю. — Я не заметила вас. Мне следовало бы быть осторожнее. Я вовсе не из Гринписа, я переводчик.

Затем она обернулась к ошеломленной Веронике, все еще пытающейся понять, что говорит ей Авалос.

— Он говорит, — механически произнесла она, не глядя ни на кого, — что Эду отвезет меня в больницу. Ничего страшного как будто не произошло; а чтобы загладить эту неприятность и свою вину, он приглашает нас с вами к ним в дом. Не в отель; бронь можно отменить.

А в воскресенье он приглашает нас на великолепное зрелище, на корриду. Сеньор де Авалос клянется, что у нас будут самые лучшие места, чтобы мы смогли насладиться зрелищем.

От упоминания дома де Авалоса Веронику словно оторопь взяла; неуверенная улыбка расцвела на ее губах, она тряхнула белокурыми локонами, пытаясь вернуть себе женственный, небрежно-расслабленный вид.

— Полозкова, — произнесла она с плохо скрываемым торжеством, — что, серьезно? Он нас в гости к себе зовет?!

— Да, Вероника Андреевна, — ответила Марина, морщась от боли. Боль пришла только теперь, и молодой человек, который ее сбил, стоявший до того неподвижно, вдруг оживился.

— Отец, — произнес он, обращаясь к де Авалосу, — так мы поедem?

— Езжайте, Эдуардо, — ответил де Авалос. — Надеюсь, до ужина вы успеете вернуться? Нашим гостям наверняка хотелось бы отдохнуть после перелета, а тут такая неприятность...

Эду! Отец!

Марина тайком глянула на разговаривающих испанцев, и ей стало понятно, отчего лицо молодого человека ей показалось знакомым.

Он очень походил на старшего Авалоса.

Та же красота, та же порода, стать...

Марина снова поймала на себе взгляд Эду, и поспешно отвела глаза, сделала лицо как можно более суровым и строгим, чтобы он не дай бог не подумал, что она разглядывает его, снова и снова, невольно любуясь грацией его сильного, гибкого тела, правильностью его черт и ласковой темнотой его глаз.

«Отец и сын, вон оно что! Ну, поздравляю тебя, Полозкова! Тебя чуть не сбил не абы кто — испанский гранд! Ради этого стоило лететь за тридевять земель, чтобы в первый же день попасть под колеса машины и провалиться в постели всю командировку!»

Она закрыла глаза, чтобы не зареветь во весь голос; нога наливалась пульсирующей болью, Марина себя чувствовала беспомощной, неуклюжей и глупой, но изо всех сил старалась сохранить на лице выражение достоинства и спокойствия, хотя со стороны было видно, как дрожат и кривятся от боли ее сжатые в узкую полоску губы.

Усаживаясь за руль, Эду внимательно посмотрел на Марину; было заметно, что он нарочно не скрывает своего любопытства, разглядывая ее склоненное лицо, и по губам его скользнула странная улыбка, словно ее нежелание плакать отчего-то позабавило его.

— *Chica muy terca*, — пробормотал он. — Очень упрямая девушка...

На трассе Марине стало немного лучше; Эдуардо водил хорошо, уверенно, машина неслась вперед, город все надвигался, становился все ближе, прохладный ветер гладил пылающие щеки девушки, и она глотала холодный воздух, чтобы хоть как-то успокоиться, унять подступающие к глазам слезы.

— Уже можно плакать, — сказал Эдуардо, в очередной раз глянув на Маринин профиль. Девушка сидела ровно, словно окаменев, и он вдруг осенил себя крестом, напоследок поцеловав пальцы, которыми крестился. — Я никому не скажу о минутке слабости. Я — могила!

Марина покосилась на него, фыркнула — и неожиданно для самой себя разрыдалась, содрогаясь всем телом.

Слезы лились сами собой, но Марина ощутила вдруг такое облегчение, словно гора упала с плеч. Эдуардо снова мельком глянул на нее, тревожно, с жалостливой нежностью в ласковых глазах, и, выудив из кармана своей красной куртки ослепительно-белый платок, подал его девушке.

— Нужно потереть нос, — очень серьезно произнес он, снова заглядывая ей в заплаканные глаза, — не то доктор подумает, что я привез вас лечить насморк.

От этого неуклюжего юмора Марина рассмеялась сквозь слезы, принимая его платок, тонко пахнущий все тем же парфюмом.

В уголке платка молочно-белым шелком были вышиты инициалы — ну, разумеется! Да и сам платок мог стоять дороже сапог Марины.

— Сейчас будет легче, — продолжал Эду, поглядывая на всхлипывающую девушку. — Шок уйдет со слезами. Плачьте еще! Слезы — это хорошо. Так и нужно!

От его слов, от его неуклюжих попыток насмешить ее у Марины потеплело на сердце; когда в последний раз молодые люди старались ей угодить? Она и вспомнить не могла. А тут...

«Не обольщайся, милочка, — сердито думала она, отирая щеки от слез, — он выплясывает перед тобой лишь оттого, что хорошо воспитан. Ну, еще и сбил меня, конечно, чувство вины никто не отменял. Если бы не это, он и не глянул бы на меня! Слишком уж хорош для меня; вон Вероника Андреевна — я ей и в подметки не гожусь, а старший Авалос на нее смотрит, как на говорящую мебель. Где же вероятность, что младший рассмотрит во мне человека? Его знаки внимания всего лишь дань приличиям... О господи, Полозкова, ты неисправима... Не ты ли клялась самой себе, что никаких больше парней, никакой больше романтики и влюбленности? И вот так вляпаться — с первых шагов по аэропорту! Нет, ну серьезно — втрескалась?! Он же не по голове тебя ударил, в конце концов!»

— Не хочется больше, — прошептала Марина, отирая предложенным ей платком лицо.

— Это все?! — притворно удивился молодой человек. — Откуда вы приехали?! В вашей стране не умеют плакать, даже если их собьет поездом?!

— Вы же не на поезде меня сбили, — буркнула Марина, поправляя растрепавшиеся волосы. — Я из России. Я переводчик партнера по бизнесу сеньора де Авалоса. Забыли?

— А, Россия! — произнес Эдуардо. — Там все люди такие холодные? Наверное, вы и не плакали? Это сердце русской снежной девочки, *Doncella de nieve*, изо льда немного растаяло под нашим горячим солнцем?

Марина строго поджала губы; вот теперь она точно не знала, как реагировать, то ли посмеяться вежливо, то ли обидеться.

Испанец тормозил ее, дразнил, вворачивал какие-то фразы, которые ставили Марину в тупик, и она молча сопела, перебирая в уме всевозможные варианты.

«О-о-о, это так романтично, прокатиться с ветерком с молодым де Авалосом! О-о-о-о, он говорил комплименты и утешал! О-о-о, это так мило!» — так, наверняка, отреагировали бы все, начиная от девчонок на фирме, и заканчивая Анькой. Анька так вообще крикнула бы, размахивая кружкой с мартини:

— Прыгай и хватай его, подруга! Такого мужика потрогать Боженька раз в жизни дает, не теряйся, ну?! Даже если всего один раз, он того стоит!

Только вот Марина не была уверена, что испанец сейчас расточает ей комплименты.

«Да он смеется надо мной!» — поняла вдруг Марина, гневно глянув на улыбающегося Эдуардо.

— М-м-м, помогло, — пробормотал он, сверкая озорными глазами, замечая, что девушка рассердилась. — Так и знал, что жалость вам не нужна. А вот если разозлить, то вы придете в себя намного скорее.

Марина вспыхнула до корней волос и... отвернулась, чтобы не наговорить гадостей этому испанскому хлыщу. Тот поцокал языком:

— Какой ужасный, очень ужасный характер, — так же весело произнес он. — Вы не умеете шутить. Совсем. Все русские такие суровые?

— Русские вовсе не суровые, — грубо буркнула Марина. — Просто вы смеетесь надо мной.

— Я? Смеюсь? Да вовсе нет!

Припарковавшись у приемного отделения больницы, Эдуардо без лишних слов и ненужных объяснений обошел автомобиль, открыл дверцу и снова поднял девушку на руки.

Когда он потревожил ее ушибленную ногу, Марина болезненно айкинула, и он поддержал ее, произнеся «ай-ай-ай» несколько раз, словно это ему было больно.

От этого неприкрытого озорства Марина рассмеялась, все еще охая от боли.

— Такая храбрая девушка, — произнес Эдуардо, бережно прижимая Марину к себе и чуть сильнее, чем того требовала ситуация, сжимая пальцы на ее бедре, — такая терпеливая... неужто еще немного не потерпит?

— Вы теперь все время будете носить меня на руках? — сварливо поинтересовалась Марина, краснея от неловкости и смущения, и Эдуардо, сделав очень серьезное лицо, ответил:

— Конечно, пока вы сами не сможете передвигаться. Ведь это моя вина — то, что вы ранены. Обнимите меня за шею, так будет удобнее. Да, так. Отлично!

На щеках его играли обаятельные ямочки, в глазах отражалось солнце, он озорно улыбался, внимательно разглядывая лицо девушки, и чуть покачивал ее на руках, словно не в больницу Марину привез, а на какой-то праздник.

От близости его сильного, горячего тела Марина буквально задохнулась от смущения, да еще и эти его бессовестные руки...

Марина могла поклясться, что он ее поглаживает и внимательно наблюдает за ее реакцией.

Его сильная ладонь, лежащая у нее на бедре, словно жгла ее, и Марина мысленно молилась всем богам, чтобы это путешествие у него на руках скорее кончилось — и чтобы оно никогда не кончалось!

«Полозкова, ради бога! Не обольщайся, Полозкова! — думала Марина, утыкаясь носом в плечо Эдуардо, стараясь скрыть свою смущенную улыбку от людей, идущих навстречу. Она видела — медсестры, встречающиеся им на пути, застывали в удивлении, а потом, опомнившись, принимались так отчаянно строить глазки Эду, что Марине было просто неловко присутствовать при этих откровенных заигрываниях. — Он просто хвастается своей силой, испанский фанфарон! Повалился таскать меня на руках... Небось ждет, когда я начну им восхищаться и восторженно охать. Богатого папы сын, слащавый мажор... привык к тому, что все им восторгаются и хвалят его за один факт существования, — сердито думала Марина, позволив себе совсем немного расслабиться и прижаться к плечу мужчины, вдыхая аромат его парфюма, покуда он нес ее по больничным коридорам. — Вот и в моем лице он видит всего лишь еще одного зрителя, который должен восхищаться его великолепием... только б не показать ему этот восторг, которого он так упорно добивается! Только не обольщайся, Полозкова, не будь еще большей душой, чем ты есть!»

В кабинете врача их встретил очень респектабельный, пожилой сеньор, кажется, очень хорошо знакомый с де Авалосом-младшим.

По тому, как он спешно поднялся со своего места из-за стола и поприветствовал Эдуардо, Марина подумала, что это как минимум семейный врач.

На Марину, постанывающую от боли, он посмотрел с некоторым удивлением, а затем перевел вопросительный взгляд на молодого человека.

— Это очень хороший врач, — доверительно втолковывал Эдуардо, снимая с Марины пальто, словно желая пожалеть и успокоить девушку, закусившую от боли губу. — Он мне много раз помогал, у него золотые руки. Так ведь, доктор?

— Конечно, сеньор Эдуардо, так и есть... О, какая прелестная сеньорита, — ворковал эскулап, покуда Эдуардо уложил Марину на кушетку и аккуратно — и весьма умело, — расстегивал на ее ногах сапоги. — Ну, что за слезы? Что случилось?

— Автомобильная катастрофа, сеньор Фернандес, — пояснил Эду. — Я сбил эту девушку.

Врач внимательно глянул на ногу Марины поверх очков — Эду весьма бесперомонно, почти по-хозяйски приподнял ее юбку, демонстрируя врачу расползающийся по коже девушки синяк, — и удивленно крякнул.

— Вот как, — произнес он удивленно. — Эду, вы засмотрелись на эту красотку? Другой причины, по которой вы ее сбили, я не вижу.

— Это я виновата, доктор, — глотая слезы, произнесла Марина. Доктор снова удивленно крякнул:

— Turista? — удивленно произнес он. — Ах, какая досада, наша страна вовсе не так должна была вас встретить, какая же досадная неприятность! Ну-ка, сеньор, оставьте нас с сеньоритой, я осмотрю ее. Клянусь небесами: я приложу все силы, чтобы уже завтра она танцевала!

Эду послушно вышел и прикрыл за собой двери, а доктор склонился над Мариной.

— Вы позволите? — он приподнял юбку, обнаружив кружевную резинку чулок. — Да, ушиб серьезный. Отек... Так больно? А так? Да, вероятно, перелома нет, просто ушиб... но надо, конечно, сделать рентген. Попытайтесь встать и пересесть в это кресло, пожалуйста? Или позвать Эду?

— Нет, нет, благодарю, — лихорадочно натягивая юбку на колени, произнесла Марина, спуская ноги на пол. — Я сама... не нужно звать сеньора де Авалоса.

— Отлично, — похвалил врач. — Какая храбрая девушка... и терпеливая... Совсем как Эду. Обопритесь об меня, осторожнее!

«Неужто Эду отважно пьет микстурку из ложечки, — ядовито подумала Марина, усаживаясь в кресло. — Действительно, храбрый парень!»

— Ну, поехали?

Доктор раскрыл двери и вывез ее в коридор. Краем глаза Марина увидела Эду — тот стоял, окруженный молодыми — и не очень, — медсестрами, ослепительно улыбаясь и раздавая автографы. Девушки в восторге едва не визжали от счастья.

Эду не выглядел смущенным или растерянным, напротив — казалось, ему такое внимание не в первой, он привык к нему.

Это показалось Марине как минимум странно. Да, де Авалос, конечно, звучная фамилия, но Марина не слышала прежде, что у знатных сеньоров принято было брать автографы.

«Все равно, что у нашего чиновника какого-то крупного или у депутата», — с удивлением подумала она, разглядывая флиртующего Эду.

В ее душе вспыхнуло что-то этакое колкое, неприятное, неведомое раньше...

Даже по отношению к Игорю Марина ревности не испытывала — хотя бы потому, что никого рядом она не видела.

А вот Эду притягивал внимание как магнит; мало того — он, кажется, и о Марине позабыл, буквально-таки растаяв от всеобщего внимания и обожания. Он буквально купался во всеобщей любви, улыбался налево и направо, небрежно ставя черным фломастером автографы на... фотографиях?!

У его поклонниц что, есть его фото?!

— Вы хорошо знаете сеньора де Авалоса? — дрожащим от ей самой непонятной обиды голосом произнесла Марина. Отчего-то она чувствовала себя так, словно ее обокрали; словно имела какие-то права на Эду, а тот внезапно посмел уделить свое внимание другим.

«Полозкова, ты точно ненормальная!»

— О да, сеньорита, — произнес доктор. — Эду попадает к нам с травмами, похожими на вашу травму. Но чуть серьезнее. При его профессии это неизбежное зло. Но надо отметить, что он всегда держится достойно; очень терпеливый пациент, как бы сильно его не потрепало.

— Эду часто бьется?.. — безотчетно произнесла Марина, еще раз глянув через плечо назад, на молодого человека. Среди одетых в белые форменные платья медсестер он выглядел очень ярко, притягивал взор.

Гонщик? Спортсмен?

Это объяснило бы его силу, хм, действительно...

— Не очень, но бывает, — ответил доктор. — Он же тореро. А вы не знали?

— Кто?!

Марине показалось, что она ослышалась.

Это знакомое и очень колоритное слово ввергло ее в шок, наверное, такой же сильный, какой она испытала бы, если б ей сию минуту показали настоящего деда Мороза.

То есть, тореро?! Матадор*?!

Это тот безумец, что с муьетой* дразнит... быка?!

Красавчик Эду, сын потомственного гранда, выходит на арену в раззолоченном костюме* и... убивает быков?! Он не адвокат, не инженер, не врач и не беспечный прожигатель жизни, каких немало тусит по ночным клубам с выпивкой, он тореро?!

...Ах, так вот откуда эта сила, которая так поразила Марину, эти руки, крепкие ладони, очень красивые, с длинными пальцами, но такие жесткие, словно отлитые из металла!

Одним ударом пронзить эстоком* быка, вогнать меч на всю длину в мощное тело, коварно кольнув сердце зверя — наверное, требуется недюжинная сила и такое же немалое умение...

Марине всегда казалось, что эта профессия какая-то... ненастоящая. Что-то сродни цирку, представлению, и люди, что этим занимаются на потеху публике... наверное, простолюдины.

Но Эду?! Нет, нет, невозможно! Зачем, ради чего рисковать здоровьем и самой жизнью, когда ты молод, красив, знатен и богат?

— Тореро, — с ноткой гордости повторил доктор. — Вы знаете, что это такое?

— Чистое самоубийство, — пробормотала Марина, потрясенная. — Это же очень опасно!

— Ну, разумеется, — снисходительно ответил доктор, польщенный изумлением, вызванным у туристки. — В этом и есть смысл корриды. Опасность, игра с жизнью и смертью! Адреналин! Коррида — это душа Андалусии, ее кровь, ее суть!

— И сеньор де Авалос позволил сыну заниматься этим опасным делом?

— Позволил?! — доктор рассмеялся, позабавленный. — Да он гордится сыном! Гордится тем, что сумел воспитать такого храбреца, верного традициям Испании! Вы не находите, что это очень храбро и достойно уважения?

— Si, — еле слышно ответила потрясенная Марина. — Очень храбро...

...Вот откуда эти странные вопросы про Гринпис!

О том, что Гринпис пытается запретить корриду, Марина тоже слышала, и теперь картинка полностью сложилась.

Вероятно, ее рассеянность Эду принял за эксцентричную выходку одной из «зеленых», которая потом преследовала бы его на стадионе, где проходит бой быков, с криками, на костылях и с плакатом, на котором было бы написано «убийца».

Марина снова испытала удушливый стыд оттого, что выглядит в глазах Эду как-то нелепо.

«Полозкова, уймись! — сердито думала Марина, покуда доктор исследовал ее ногу. — Ну, серьезно — не все ли равно, как ты выглядишь в его глазах? Кто он тебе? Да никто. Между вами ничего нет и быть не может! Поэтому даже думать об этом смешно».

Перелома, как и ожидал врач, не было. Об этом он объявил Марине ликуя так, будто в этом была его личная заслуга.

— Немного обезболивающего и много-много покоя! — с важным видом сказал он. — День, два, три полежать. Да.

От обезболивающего Марина почувствовала, что глаза ее закрываются. Над ее головой доктор что-то бормотал, видимо, давал советы и назначал лечение, и Эду лишь поддакивал— si, si, si, — и это монотонное «да» еще больше убаюкивало девушку.

Марина не сопротивлялась, когда Эду, отказавшись от предложенной врачом коляски, снова поднял ее на руки — бережно, видя, что она засыпает. Она прижалась головой к его плечу и провалилась в сон.

Уже вечерело, когда Эду привез ее в поместье; вытряхнутая из сна, девушка заспанными глазами глянула на темнеющее небо, на растрепанные пальмы вокруг особняка, бьющие ветвями на ветру.

— Позвольте, я помогу вам...

— Нет, — пожалуй, слишком резко ответила Марина, отстранив руку Эду, потянувшуюся к ней. — Это неудобно. Благодарю, но я пойду сама. Мне совсем не больно; вы были правы, ваш доктор просто волшебник.

Эду сжал губы, прищурился, оценивающе разглядывая Марину.

Казалось, ее отказ одновременно удивил и рассердил его, но он смолчал, и Марина в который раз почувствовала раздражение — на себя саму, не на него.

«Неблагодарная свинья ты, Полозкова, — с грустью подумала она. — Ну, рисуется испанец, так что с того? Он же правда помог, не бросил, не откупился парой смятых купюр. Возится с тобой, как писаной торбой... Могла бы и повежливее отказать, а не рычать, как собака... Впрочем, все равно; так даже лучше. Он обидится и больше не будет мелькать перед глазами. Ох, и дура ты, Полозкова!»

* Тореро (матадор) — в испанском бою быков главный участник, убивающий быка. Матадором называется персонаж пешей корриды, в конной он называется рехонеадором. Матадор, убивающий молодых быков, называется новильеро.

* Мульета — Muleta: Ткань более лёгкая и меньше, чем капоте, красного цвета. Используется матадором в последней терции корриды чтобы сдержать и направить атаку быка. Capote: Ткань из синтетического волокна, очень тяжёлая, формы плаща, которая используется для игры с быком.

* «Traje de Luces» (парадный костюм, буквально — «костюм огней») — это наряд пешего тореро.

* Эсток — меч, которым тореро убивает быка

Глава 6. Очень близкое знакомство

Разумеется, ужин Марина проспала, как и часть вечера, и половину ночи.

Утомленная перелетом, да еще и накачанная под завязку успокоительным и обезболивающим, она еле смогла вымолвить какие-то слова признательности старшему де Авалосу, спустившемуся встретить их с Эду.

— Все хорошо? — поинтересовался отец у сына, когда Марина скрылась в отведенной ей комнате.

— Да, Фернандес сказал, что ушиб, и потрясение. Ничего опасного, — притворяясь как можно более беспечным, ответил Эду, проводив Марину взглядом.

Однако.

Авалос-старший слишком хорошо знал своего сына; его нервное постукивание носком ботинка об пол, заложенные за пояс руки говорили как раз об обратном — о сильном волнении, чего с Эду при виде девушки не случалось уже давненько.

— Хорошо...

Отец проворчал что-то о том, что кое у кого глаза на затылке, но Эду не вслушивался, о ком он говорит, о нем или о Марине.

Ему отчаянно хотелось проводить девушку до комнаты и проследить, что с нею действительно все хорошо, что она устроена с комфортом, но он сдержался.

Нет, каково!

Маленькая злая колючка!

То, что эта девушка, имени которой он даже не спросил, эта крохотная русская ледяная девочка изо всех сил отталкивает его, было заметно невооруженным взглядом.

Притом она его не боялась, нет, как можно было б подумать. И млеть от восторга она не собиралась — с чего бы ей млеть, она ведь не из клуба его, Эду, фанаток?

Многие его юные поклонницы смотрели на его с замиранием сердца, с каким-то почти религиозным экстазом.

На их лицах отражался испуг — как, этот храбрец коснулся меня, мне это не снится?! — а затем были слезы изумления и потрясения и радости, и это происходило во многом благодаря его красоте.

Эду знал, что красив; он знал, что публика любит его, когда он дразнит быка, когда расвишривший зверь пронесется мимо, почти касаясь окровавленной шкурой золотого шитья на его костюме.

Он любил это — внимание и восторг, который зажигал в сердцах зрителей. Он чувствовал ликование, когда его клинок пронзал сердце чудовища, и человек торжествовал над неразумной животной силой и яростью.

Он привык к празднику, который царил в нем, в его сердце, и который он дарил людям. Ликование, радость, торжество — вот что чувствовали люди рядом с ним.

А девчонка... она брыкалась.

Плевать она хотела на его красоту; и чем ослепительнее он ей улыбался, тем яростнее она сопротивлялась его попыткам очаровать ее.

Она брыкалась почище иного быка, не подпуская к себе близко.

Она словно упряталась в свою колючую ледяную скорлупу и отталкивала его, не позволяя коснуться ее, не позволяя самой себе принять тепло.

Это было настолько непривычно и странно, что Эду рассматривал ее как диковинное создание, которое раньше никогда не видывал.

Возможно, если б она растаяла от его обворожительной улыбки, пофлиртвала бы с ним, смущенно улыбаясь, то на этом бы все и кончилось, но... она не флиртвала.

Она дула губы, хмурила брови, словом, вела себя так, словно ей невыносимо неприятно находиться с ним рядом.

И отворачивалась, будто скрывала от него свою досаду.

Что за проклятье такое?!

А ведь девчонка была хороша. Ох, как хороша!

Когда она улыбалась, на ее милое личико с такими чувственными розовыми губами ложилась тень застенчивой нежности, и глазки сияли, как небо над Севильей...

Да и бедра — очень аппетитные бедра, в этом Эду мог убедиться, поднимая девчонку на руки. Невесомая, юная, свежая... Этакая бледная северная роза с шипами...

Наскоро поужинав, Эду, сам не отдавая себе отчета, еще долго слонялся по дому, и как нарочно — неподалеку от комнаты, где поселили Марину. Должна же она проснуться и захотеть поесть, черт ее подери, или они там, на севере, не едят совсем?!

Произошедшее встряхнуло его, лишило покоя, и он не находил себе места. Устроившись на диване в гостиной, Эду прикрыл глаза, собираясь вздремнуть, но девчонка не шла из головы.

Проклятье!

Нет, у Эду крепкие нервы. Иначе и быть не могло, да и происшествие с девчонкой слишком незначительно, чтобы вот так метаться весь вечер! Но успокоиться он не мог.

— В душ, — произнес он твердо, измаявшись от томительного ожидания — чего? Кого?..

Горячая вода приятно расслабила плечи, напряженные, словно перед броском; разгладила сведенные брови, смыла усталость. Эду, подставляя лицо и голову под горячие струи воды, дышал глубоко и медленно, как делал это всякий раз, стараясь успокоиться и вернуть себе душевное равновесие.

Образ девчонки немного погас, словно растворился в горячем пару. Ее ледяная холодность перестала так остро и больно цеплять, но засевшая в мозгу картинка — быющие на ветру локоны, светлое пальто и нечаянная улыбка сквозь слезы, — все не гасла.

— Ведьма, — буркнул Эду, смахивая воду с лица, со слипшихся ресниц.

Неспешно, насухо вытерся, растер кожу до покалывания, до красноты, и обернул бедра влажным полотенцем; пальцами кое-как зачесал волосы назад, на привычный манер.

Наручные часы, лежащие на стеклянной полке, показывали час ночи — довольно поздно. Так же неспешно побрел он на кухню; после горячего душа хотелось пить, да и, возможно, есть что-нибудь легкое перед сном.

На кухне его ждал сюрприз; и Эду почувствовал, как сердце, и так сильно колотящееся от жара, вовсе готово выпрыгнуть из груди.

За столом сидела эта невыносимая девчонка; полусонная, растрепанная, в какой-то смешной до нелепости пижаме с розовыми медведями, и допивала теплое молоко.

— Вот это встреча, — произнес Эду. Его взгляд помимо его воли скользнул по ногам девчонки, по ее коленкам, на которые короткие пижамные штанишки было не натянуть, и она, заметив его нескромное любопытство, тотчас поспешила спрятать ноги под стол. Босые ноги. С крохотными розовыми пальчиками. — Лучше вам?

Девчонка, в свою очередь уставившись на Эду, поперхнулась и закашлялась, неловко утирая молочные усы над верхней губой.

Его практически обнаженный вид — полотенце, висящее низко на бедрах, мало что скрывало, — заставил ее покраснеть так же ярко, как горячая вода — его...

Словно они были в одном душе вместе... Так, прочь, бессовестные мысли!

Bastante!

— Благодарю... вас... — пропыхтела она кое-как, не зная, куда спрятать свои глаза. — Как неудобно...

Сообразив, что тоже не одета, она нахохлилась, как птичка, стыдливо прикрывшись руками, сжав плечики. Такая непохожая на всех знакомых ему девиц... Экзотика? Пожалуй, да.

— Не стоит беспокойства, — ровным голосом ответил Эду, отворачиваясь от девчонки, — я сейчас уйду. Только утолю жажду.

Он нарочито аккуратно открыл холодильник, достал минеральную воду, неспешно открыл крышку. Девчонка за его спиной сидела тихо-тихо, даже не дыша, и Эду казалось, что даже тишина меж ними двумя звенит.

— Скажите, — вдруг робко произнесла девчонка, и это было так внезапно, что Эду вздрогнул, — а вы правда... матадор?

Ее голос звучал капельку испуганно и в то же время восторженно, как у ребенка, который спрашивает о чем-то волшебном, небывалом, и заранее знает, что получит утвердительный ответ, который наполнит его ликованием.

А вот это неожиданно.

Но, однако, это приятно пощекотало самолюбие Эду, и он не сдержал довольной улыбки, а затем и досады — черт, еще ни с одной девушкой он не ощущал такого стеснения, какого черта они вдвоем то и дело тушуются, краснеют, хмыкают и скрывают друг от друга лица?!

— Откуда вы знаете? — он с удивлением обернулся к девчонке, и та стушевалась, поспешно спрятала глаза, но Эду успел заметить, понял, что она беззастенчиво его разглядывала, любовалась игрой мышц под раскрасневшейся кожей, покрытой мелкими каплями воды. Кажется, она даже облизнулась, беззастенчиво, совершенно позабыв, что он может заметить, глядя на его губы. Ледяная злая колючка снова оттаяла от тепла?..

— Доктор сказал об этом, — тихо и застенчиво пояснила она — и снова вскинула на него глаза, ясные и чистые, какие-то трогательно наивные. — Так правда?

От ее бесхитростного любопытства у Эду кровь зашумела в висках, он стиснул зубы, чтобы не выкрикнуть «ты невозможная, невозможная!». Очень захотелось почему-то шагнуть к ней, схватить ее за плечи и заглянуть в ее глаза так глубоко, чтобы увидеть все ее мысли о нем, прочитав, что она думает и что чувствует...

— Да, это правда, — все еще притворяясь равнодушным и спокойным, ответил он. — Почему вас это удивляет?

— Но как... зачем... я не понимаю...

— А почему нет? — Эду нарочито равнодушно пожал плечами. — Это традиции моей страны. А профессия ничем не хуже любой другой. Я люблю свое дело. Это азарт; это бой, это сила. Люди любят зрелище, люди любят чувствовать опасность, но немногие осмеливаются кинуть вызов этой опасности. Вместо них это делаю я; я побеждаю быка вместо любого из тех, кто хотел бы, но не может. Я дарю им свои победы. Каждому дарю частичку себя, своей силы, своей молодости. Разве это плохо?

Говоря о корриде, молодой человек преобразился; неуверенность и сонное равнодушие растворились, будто их и не было, глаза молодого человека засверкали, а голос стал темпераментным и напористым.

Он даже не заметил, как подступил к девчонке почти вплотную, и она была вынуждена встать, чтобы отступить от него, отодвинуться от его разгоряченного тела, которое было слишком близко...

— По-моему, — произнесла девушка, глядя в его темные глаза, — вы слишком гордитесь собой...

— Да! — горячо подтвердил Эду. — Кому нужен мужчина, который собой не гордится? Что это за мужчина? Вы хотели бы иметь такого мужчину, которым не можете гордиться?

— Ох, — смущенно произнесла Марина, упираясь ладошкой в горячую грудь Эду и ощущая, как быстро и сильно бьется его сердце. — Мы говорим о разных вещах, и, кажется, вы меня не поняли...

Эду насмешливо фыркнул, как разъяренный кот, резко вскинул руки, словно отгораживаясь от девушки и сдаваясь на ее милость.

— Я понял, понял, о чем вы толкуете, — раздраженно выпалил он, — только с хвостовством это не имеет ничего общего!

Через силу он отвернулся, намереваясь уйти, тотчас же бежать прочь с этого поля боя; снова неудача! Не удалось поразить воображение девчонки, еще и осмеян! Но, кажется, теперь злая колючка искала повод, чтобы остановить его.

— Что это? — испуганно вскрикнула она. На боку Эду, чуть ниже лопатки, тянулся тонкий шрам, небольшой, всего пять сантиметров, но девушка без объяснений поняла, откуда он, и как получен.

Эду небрежно оглянулся назад, дернул плечом.

— Ранения, царапины неизбежны в моей профессии, — сухо и уклончиво ответил он. — И это всего лишь царапина. А вот это, — он вдруг повернулся к девушке, уверенно взял ее ладонь, сжал пальчики и положил их на свой живот слева, чуть выше полотенца, — намного болезненнее и опаснее... если б удар не был скользящим, все было бы намного серьезнее...

Под пальцами девушки, грубый и жесткий, был еще один шрам. Небрежно и поспешно зашитое, тело срослось крепко, но некрасиво. Пальцы ее осторожно поглаживали неровно сросшуюся кожу, и она, как замороженная, смотрела в лицо Эду своими васильковыми глазами, забывая даже дышать.

— Шить иногда приходится прямо на арене, — словно гипнотизируя девушку своими темными глазами, произнес Эду. — Поэтому выходит... так....

Он склонился над нею ниже, так низко, что их лица почти касались друг друга, а дыхание, передаваемое из губ в губы, перемешивалось — его, горячее, и ее, чистое, прохладное, молочное.

Ее пальцы, осторожно поглаживающие его подрагивающий живот, вдруг смело скользнули ниже, и Эду простонал:

— Ведьма, чертовка! — обмирая от смелости, с которой девчонка касалась его и ласкала — неспешно опуская руку все ниже, под полотенце, вдоль темной дорожки курчавых волос.

Он с наслаждением запустил руку в ее светлые волосы, крепко сжал их и с силой оттянул ее голову назад, так, что она ахнула и замерла с высоко поднятым точеным подбородочком, с открытым беззащитным горлышком, в которое Эду тотчас впился жадным крепким поцелуем, оставляя красный след.

— Злая колючка...

Его горячий рот накрыл ее губы и целовал, целовал, страстно и жадно, не позволяя девушке ни звука проронить, выпивая ее сладкое дыхание, пахнущее молочным шоколадом, целовал, покуда она не задрожала в его руках, покуда не приникла к его горячей влажной коже, отвечая неумело, но пылко.

— Иди сюда...

Он легко подхватил ее под ягодицы, одним рывком усадил на стол и требовательно развел ее колени, так, словно имел на это право, так, словно она не могла сказать «нет», словно не существовало этого слова в природе.

Он вжимался в ее прохладное тело, обмирая от накатывающего острого желания, целовал эту девчонку, зарываясь пальцами в ее шелковистые волосы, и чувствовал, как ее ноготки оставляют алые, атласно блестящие полосы на его напряженных плечах.

Только на миг он оторвался от нее, дыша шумно и тяжело, словно без ее губ дыхание было невозможно. Ее ресницы дрогнули, чуть поднимаясь, и он, заглянув в ее затуманенные глаза, произнес только одно слово:

— Si?

— Si.

Марина не поняла, как это произошло. Как она вообще насмелилась сделать то, что она сделала.

Только Анька в ее голове вопила: «Прыгай на него и хватай! Раз в жизни! И никогда больше!»

Эду своим появлением просто потряс ее.

Она спрятала под стол руки, чтобы он не заметил, как задрожали ее пальцы, и не смела и прикоснуться к стакану с недопитым молоком, чтобы не расплескать.

Эду был сложен как греческий бог. Нет, наверняка еще лучше. Глядя не его широкие плечи, на сильную спину, и чуть ниже, Марина чувствовала, что трусики ее стремительно намокают, а этого не случалось с ней... да, пожалуй, никогда не случалось.

Она была слишком неопытна, и до этого момента просто не понимала, как это — хотеть мужчину.

Не его внимания, не разговоров и встреч, ни взглядов и еще сотню каких-то милых мелочей, а мужчину.

Его тело. Его ласку. Его.

Там, где сейчас так горячо, где пульсирует, заставляя ее обмирать от каждого нового спазма.

«Такой качественный самец! — орала Анька в ее голове. — Да что ты теряешь?! Даже не невинность, дьяволу ее в рот, чтоб говорить не мог!»

Нет, невозможно!

«Я так не могу, я так не поступаю, это неправильно, — казалось, даже мысли ее звучали в голове дрожащим голосом. — Я не могу с первым встречным!»

«Да такого первого у тебя не будет никогда! — орала Анька. — Выруби свою Полозкову! Ты через пару недель тью-тью, и кто вспомнит об одной такой развратной девчонке?!»

И потому, когда Эду взял ее руку и положил на свой живот, она сделала это.

Бессовестно проникла под его полотенце и коснулась вставшего члена, погладила его горячую головку, провела ладонью по всей длине, сама поражаясь своей смелости и бесстыдству.

Коктейль из лекарств и воплей воображаемой Аньки все еще плескался в ее голове, когда молодой человек целовал ее, так жадно и горячо, как не целовал ее никто и никогда.

Игорь... да поцелуй с ним напоминали лизание наждачной бумаги.

А от крепких касаний губ Эду Марина думала, что просто взорвется сейчас, сию минуту.

И то, что ее ноги обняли его талию — это казалось таким естественным и само собой разумеющимся.

Он что-то бормотал горячим, хриплым голосом, покрывая поцелуями ее шею, лицо, долго-долго и невыносимо сладко целовал в губы, и Марина говорила «да» на каждое его слово. Предложи он сейчас спрыгнуть со скалы — кажется, она не отказалась бы.

Так же легко, как и днем, он поднял ее, обнявшую его руками и ногами, прижал к себе... а потом было недолгое путешествие, и прохлада огромной постели, свежее белье, пахнущее лотосами, и снова жадные поцелуи.

— Я отопрею тебя поцелуями, *Doncella de nieve*, — шептал Эду. Его руки осторожно, словно боясь испугнуть, избавили Марину от пижамы, и маленькие беленькие трусики, с предательским мокрым пятнышком, он стянул, скомкав их в ладони. — Злая колючка...

Словно обезумевшая, Марина льнула к Эду, прижималась к его горячему обнаженному телу.

Не существовало ничего, кроме страсти, которая накатила внезапно, и которую так хотелось удовлетворить.

Не было стеснения — даже когда Эду обнял ее талию своими сильными жёстким ладонями, а его рот по очереди ловил и ласкал ее остренькие соски, чуть покусывал и поглаживал языком, затирая легкую боль.

Марина блаженно изгибалась в его руках, подставляя под его ласки и поцелуи свое тело.

Она хотела, чтобы он рассмотрел ее всю; она хотела почувствовать его желание и поверить, что он хочет именно ее, а не банального секса.

Поверить в то, что желанна; пожалуй, это было одно из ее табу — не думать о себе в таком ключе. Не помышлять, потому что испуганный разум стыдливо напоминал о недостатках — и безапелляционно выносил приговор: слишком жалкая, чтобы быть желанной!

Слишком уродливая, слишком толстая, слишком, слишком, слишком!..

Но перспектива через пару недель уехать и навсегда оставить позади и сегодняшнее приключение, и Эду, стерла, изничтожила это табу. Впервые в жизни Марина отважилась поверить в то, что раньше казалось ей невероятным, и это было неслыханной смелостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.